

ДРЕВНИЕ
ПАЛЕСТИНСКИЕ
ОБИТЕЛИ

*и прославившие их
святые подвижники*

П. М. Сладкопевцев

**Древние палестинские
обитатели и прославившие
их святые подвижники**

«Сибирская Благовонница»

1896

УДК 271+235.3
ББК 86.37

Сладкопевцев П. М.

Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники / П. М. Сладкопевцев — «Сибирская Благовонница», 1896

ISBN 978-5-906853-12-7

Вниманию читателей предлагается книга П.М. Сладкопевцева «Древние палестинские обители и прославившие их святые подвижники», впервые изданная в 1895–1896 годах в Санкт-Петербурге. Как писал сам автор, «для благочестивого христианина, желающего в судьбах минувшего поучаться неисповедимым путям Божиим и примером благочестивой жизни подвижников Христовых и словом назидания их умудряться во спасение, драгоценны сведения об этих обителях и пустынях, мужах и женах, в них подвизавшихся». При работе над изданием текст был приведен в соответствие с современными нормами грамматики, орфографии и пунктуации, даны дополнительные библейские ссылки (особенности авторского цитирования сохранены) и примечания; в некоторых случаях уточнены авторские примечания (добавления редакции – в квадратных скобках). Редакция надеется, что книга будет интересна широкому кругу читателей и, в частности, паломникам в Святую Землю.

УДК 271+235.3
ББК 86.37

ISBN 978-5-906853-12-7

© Сладкопевцев П. М., 1896
© Сибирская Благовонница, 1896

Содержание

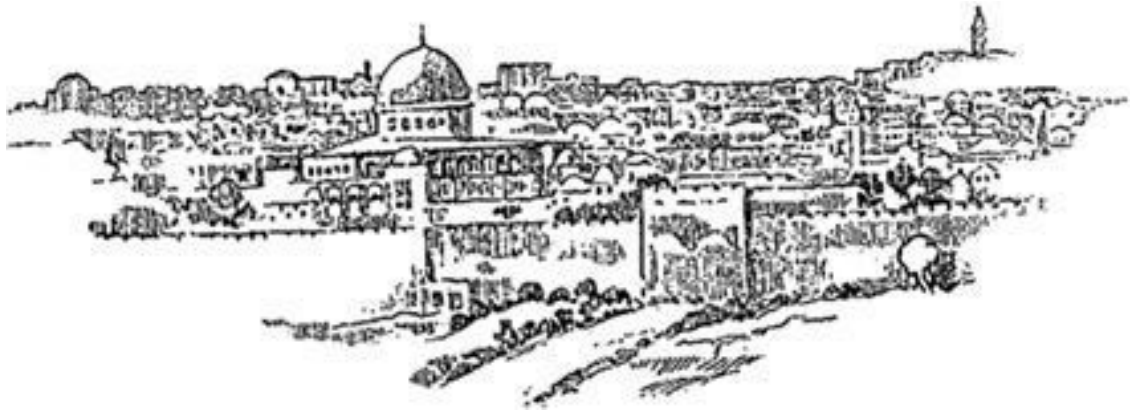
[К читателю]	7
Общий очерк подвижничества в Святой земле	9
Обители четвертого века	14
Лавры святого Харитона Исповедника	14
Лавра преподобного Илариона Великого	28
Конец ознакомительного фрагмента.	44

П. М. Сладкопевцев
Древние палестинские обители и
прославившие их святые подвижники

© Сибирская Благовонница, 2017

* * *

[К читателю]

Известно, что в Палестине, в 18 верстах от Иерусалима к юго-востоку, в Юдоли плача¹, находится православный монастырь – лавра св. Саввы Освященного, существующий со второй половины V столетия христианства. Известно также из сочинений церковных историков, что, кроме лавры Саввы Освященного, было в Палестине множество других обителей, из которых одни возникли в то же время, как основана лавра преподобного Саввы, другие позже, в VI и VII веках, а некоторые – раньше, в первой половине V века и даже в IV веке. Иноческие обители рассеяны были по всей Святой Земле; особенно много находилось их в юго-восточной ее части. Были еще подвижники, которые проводили жизнь не в обителях, но в пустынях, в самом строгом уединении и безмолвии; так сделались славными некоторые пустыни, например пустыня Иорданская, Рува, пустыня у Мертвого моря и др.

Многие из палестинских обителей основаны по особенному откровению Божию, по особенному явлению славы Божией и во время процветания своего видели над собою явные знаки особенного к себе Божия благоволения и Божия о себе промышления. В цветущее время иночества на Святой Земле ее обители оказали много услуг Церкви христианской, принесли много пользы вере Христовой. Наконец, между множеством душ, созревающих в них для небесной жизни и отходивших к Господу, было много дивных мужей и жен, которые необыкновенными подвигами христианского самоотвержения и самоумерщвления достигли ангельской чистоты и бесстрастия и исполнены были всеми дарами благодати. Изумительны их подвиги, высоки добродетели, дивны дары благодати, в них действовавшей, назидательны и душеспасительны их духовные советы и наставления. Давно они переселись на небо, но и доселе не перестают разливать благоухание святости и производить сладость в душах христиан, благоговейно чтущих их необычайное самоотвержение, их подвиги, молитвы, посты, благодатные дары, возбуждая и усиливая в них благоговение и любовь к Богу, дивному во святых Своих, ощущение сладости благочестивой жизни и стремление к нравственному совершенству. По всему этому палестинские обители приснопамятны в летописях христианской Церкви и для благочестивого христианина, желающего в судьбах минувшего поучаться неисповедимым путям Божиим и примером благочестивой жизни подвижников Христовых и словом назидания их умудряться во спасение, драгоценны сведения об этих обителях и пустынях, мужах и женах, в них подвизавшихся. По неисповедимым путям Всевышнего, верховного правителя мира и распорядителя человеческих судеб, настал час возрождения древних палестинских обителей. Уже восстали из развалин и запустения славные лавры Герасима Иорданского, св. Иоанна Предтечи, Хузивская.

¹ Юдоль плача (долина плача) иногда отождествляется с Кедронской долиной под Иерусалимом, где расположены обширные кладбища. – *Примеч. ред.*

Восстанут, уповаем, из развалин, явятся на Божий свет и другие дорогие православному христианству обители Святой Земли... Ввиду всего этого считаем благопотребным и благовременным труд, посвященный историческим судьбам древних иноческих обителей и пустынь Святой Земли. Таковой труд, во славу Божию, в честь и память палестинских отцов-подвижников, и предлагаем благосклонному вниманию и боголюбию читателей.

П. Сладкопевцев Псков. 5 апреля 1887 г.

Общий очерк подвижничества в Святой земле

В III веке по Р. Х., когда в Египте святые Павел Фивейский и Антоний Великий, ревнуя о высшем нравственном совершенстве, проводили жизнь в строгом уединении, в необычайных трудах христианского самоотвержения и таким образом полагали начало иноческой жизни христианской Церкви, в горах Иудейских подвизался в пещере отшельник, коему выпал великий жребий – положить начало подвижничества в Святой Земле. Это был преподобный Харитон Исповедник. Слух о необыкновенных подвигах и высоких добродетелях отшельника распространился далеко, и скоро собрались около него ревнители благочестия и подражатели равноангельской его жизни, явилась первая, знаменитейшая в Святой Земле лавра – Фаранская. Почти одновременно в окрестностях Газы подвизался другой великий отшельник. Это был Иларион, ученик Антония Великого, подобно своему учителю, также заслуживший название Великого. Скоро и к преподобному Илариону стали являться люди, искавшие убежища от суеты мирской, желавшие высшего нравственного совершенства. Святой подвижник принимал всех, и окрестная пустыня населилась бесчисленным множеством ревнителей благочестия, а около места подвигов великого старца явилась благоустроенная обитель. Когда же имена Харитона Исповедника и Илариона Великого огласили христианский мир и наполнили его славою их необыкновенных подвигов и высоких совершенств, в Палестину устремились с разных сторон люди, жаждавшие спасения души; избирая места, ознаменованные какими-нибудь священными событиями или отличавшиеся пустынным положением, они любили здесь жить и подвизаться о Господе. Стремление христиан в Палестину для иноческих подвигов усилилось особенно в первой половине следующего столетия, когда, как яркое светило, воссиял в ней великий Евфимий и славою своих дивных подвигов и добродетелей озарил христианский мир. И процвело иночество в Палестине, так же как в Египте и других странах.

Сион, Елеонская гора, Вифлеем, горы Иудейские, гора Искушения, Кармил, пустыни Фаранская, Зиф, Иерихонская, долины Иосафатова и Иорданская увидели подвижников Креста Христова и огласились их священными песнопениями и славословиями Богу. В диких пещерах, в непроходимых дебрях и ущельях, которыми наполнены особенно горы Иудейские и гора Искушения, подвизались отшельники, служа Богу день и ночь постом и молитвою, никому не ведомые, беседа только с единым Господом. Сделались знаменитыми самые пустынные и неизвестные места: Рува, Каламон, Хузива, Пентокль, как места необыкновенных подвигов славных отшельников. Возникли в разных местах благоустроенные лавры и киновии, в которых находилось все необходимое для удовлетворения духовных потребностей избранников

подвижничества, которое и по видам, и по совершенству своему явилось и здесь на такой же высокой степени развития, на какой оно стояло в Египте.

Историк церковный Созомен, живший в V веке, повествуя в своей «Церковной истории» о начале и развитии подвижнической жизни в Палестине, говорит: «...подражая примерам египтян, подобным образом начала любомудрствовать и Палестина»². И в другом месте: «... жилищами мужей монашествующих процветала и Палестина, ибо монашество украшалось там частью многими еще из тех, которые перечислены мною при описании царствования Констанция, частью лицами, под их руководством достигшими высоты добродетелей и для большей славы вступившими в тамошние обитатели»³.

Другой церковный историк – Евагрий, схоластик и почетный префект, живший во второй половине VI столетия, так отзывается о палестинских иноках своего и предыдущего времени: «... в монастырях и в так называемых лаврах уставы различны, хотя образ жизни направляется к одной и той же богоугодной цели. В одних отшельники живут сообща, не задерживаясь ничем, тяготеющим к земле, ибо у них нет золота. Но что я говорю о золоте?

У них нет ни собственной одежды, ни собственной пищи, потому что тот плащ или кафтан, в который теперь оделся один, немного спустя надевает другой, так что одежда всех их принадлежит как будто одному и одежда одного – всем. Общий у них и стол, состоящий не из мяс, изящно приправленных, и не из других кушаний, а из одних овощей и зелени, достаточной только для того, чтобы можно было жить. Общие также денно и ночью возносят они к Богу молитвы и так измождают себя, такими смиряют себя трудами, что, кажется, видишь подземных мертвецов, только не в гробах. Часто совершают они и так называемые сверхзаконные подвиги⁴, по два и по три дня держа пост. А есть и пятидневники, и даже постятся долее и едва принимают пищу необходимую. Другие же, шествуя путем, противоположным этому, заключаются в своих хижинах поодиночке, а их хижины имеют такую ширину и высоту, что в них нельзя ни прямо стоять, ни свободно склоняться. Это, по слову апостола, жизнь в вертепах и в пропастях земных (см. Евр. 11: 38). Иные из них изливают свои молитвы пред Богом, обитая вместе со зверями в каких-нибудь незаметных расселинах земли. Придуман ими и еще род жизни, превосходящий силу всякого мужества и терпения. Они проникают в сожигаемую солнцем пустыню и, покрывая одни тайные члены своей природы, как мужчины, так и женщины, прочее тело ужасным морозам и знойному воздуху предают нагим и не обращают внимания ни на жар, ни на холод; совсем отвергают также употребляемую людьми пищу и питаются прямо от земли, срывая прозябение, чтобы только жить, и потому называются пасущимися⁵. По временам они становятся зверовидными, то есть изменяют телесный свой образ, да и образ мыслей получают несвойственный людям. Прохожие, увидав их, убегают; а когда кто погонится за ними, они, пользуясь либо быстротою ног, либо недоступным местом земли, тотчас скрываются. Скажу и еще об одном роде жизни, о котором едва было не забыл, хотя он превосходнее всех. Между ними, конечно, весьма немного, но есть и такие, которые через добродетель, достигнув бесстрастия, возвращаются в многолюдные обитатели или в мир и среди шума, притворяясь помешанными, таким образом попирают тщеславие – по словам мудрого Платона, обыкновенно последнюю снимаемую с души одежду. Любомудрие научило их есть без чувства и в харчевнях, и в мелочных лавках, не стыдясь ни места, ни лица – вообще ничего. Нередко посещают они бани и там бывают и моются большею частью с женщинами, покорив страсти так, что имеют полную власть над своею природою и не склоняются на ее требования ни взглядом, ни прикосновением, ни даже объятиями девы. С мужчинами они – мужчины, с

² Созомен. Церковная история. III, 14.

³ Созомен. Церковная история. VI, 32.

⁴ Сверхзаконными называются такие подвиги, которые не предписываются уставом [т. е. законом] иноческой жизни или которые выходят за пределы его предписаний.

⁵ Такие отшельники называются восками; в переводе с греческого это слово значит «пасущиеся».

женщинами – женщины и хотят иметь не одну, а обе природы. Кратко сказать, в доблестной и богоносной их жизни добродетель противодействует законам природы и предписывает ей собственные законы, то есть чтобы она не принимала ничего необходимого до сытости. Закон повелевает им алкать и жаждать, а тело покрывать столько, сколько требует необходимость. Житие их на самых точных весах взвешивается так, что по мере восхождения в противоположную сторону тяготение становится неощутимым, хотя оно бывает и весьма различно; ибо так как в них смешаны противоположности, то благодать Божия, соединившая несмешимое, предметы соединения снова разделяет так, что и жизнь и смерть, противоположности по природе и действиям, обитают в них совместно. Отсюда если действует в них страсть, им надобно быть мертвыми и в гробах, а когда пробуждается молитва к Богу, они должны проявлять крепость тела и бодрость сил, хотя бы даже вышли из возраста. Обе жизни их сплетены между собою так, что пусть они вовсе оставили плоть, все продолжают жить и сообщаются с живущими, прилагая к телам пластыри, перенося к Богу глас молящихся и, как в прежней жизни, совершая прочее, что не требует вещей необходимых и не ограничено местом, все продолжают слушать других и со всеми беседовать. Бывают еще у них частые и неутомимые коленопреклонения и многотрудные стояния, тогда как их возраст и произвольная слабость оживотворяются к этому одним желанием. Это какие-то бесплотные борцы и бескровные бойцы, вместо открытых и роскошных обедов содержащие пост и вместо сытных блюд не вкушающие, сколько это возможно, ничего. А когда приходит к ним странник, хотя бы рано поутру, они принимают его с таким радушием и благожеланием, что выдумывают другой род поста – едят нехотя. Удивительное дело! Как много нужно им для достаточного питания себя и сколь малым они довольствуются! Враги своих хотений и своей природы, они служат хотениям ближних, чтобы всеми средствами изгонять удовольствия плоти и чтобы правительницею была душа, всегда избирающая и сохраняющая наилучшее и богоугоднейшее. Блаженны они, следуя и здесь такому роду жизни; но еще блаженнее, когда переселяются отсюда в жизнь другую, которой непрестанно жаждут, и это возделенное стремятся поскорее увидеть»⁶.

В таких же выразительных чертах изображаются жизнь и подвиги иноков лавры преподобного Герасима: «Вступившие в монашество жили [сначала] в монастыре и исполняли в нем обязанности иноческие; а те, которые приучили себя к частым и продолжительным трудам и достигли некоторых степеней совершенства в подвижнической жизни, помещались в кельях. Отшельники так мало заботились о мирских вещах, что не имели ничего, кроме одежды, не имели даже и другой одежды. Постель их была не что иное, как рогожа. В келье находился еще сосудец с водою, которая служила и для питья, и для смачивания пальмовых прутьев. Когда они выходили из кельи, то не затворяли ее, чтобы кто пожелает, мог в келью войти и взять что нужно из маловажных вещей, там находившихся: так они мало привязаны были к мирским вещам. Не дозволялось никому в келье разводить огонь и вкушать вареное. Когда некоторые из пустынников пришли однажды к преподобному Герасиму просить позволения разводить в кельях огонь, греть воду, есть вареное и читать при светильнике, то великий старец сказал им в ответ: “Если вы хотите так жить, то вам гораздо выгоднее быть в монастыре. Но я в продолжение всей жизни моей никак не позволю, чтобы это было у пустынников”. Жители Иерихона, услышав, что жизнь старцев у аввы Герасима так строга и безотраднa, поставили себе за правило в субботу и воскресный день приходить к ним и приносить им какое-либо утешение. Многие из подвижников, узнав, что жители Иерихона приходят к ним с таким намерением, бегали и уклонялись от них»⁷.

Из этих свидетельств церковных историков о подвижниках палестинских видно, что подвижничество в Святой Земле достигло такой же высокой степени развития и совершенства,

⁶ *Евагрий*. Церковная история. I, 21.

⁷ Жизнь и дела святого Евфимия Великого // Христианское чтение. 1824. Ч. 15. С. 89–93.

на какой оно стояло в Египте. Видно также, что и в Палестине, как и в Египте, развились и утвердились два рода иноческой жизни: общежительный и келейный или отшельнический. Решившиеся проводить подвижническую жизнь жили или в киновиях, или в лаврах. Киновии, или общежития, были иноческими обителями, в которых подвижники жили все вместе и вели одинаковый образ жизни, так что у них никто не имел ничего своего, а все было общее: одежда, пища, физические труды и занятия, молитвословия и духовные подвиги; их кельи ограждались, как это было большею частью, одною стеною. Лаврами же назывались те иноческие обители, в которых подвижники жили отдельно друг от друга, подвизаясь каждый в особой келье; а кельи их, рассеянные вокруг храма и жилища аввы (настоятеля), находились на далеком одна от другой расстоянии и располагались в виде переулков в городе, отчего такое собрание келий и получило название лавры⁸. Подвижниками киновийными были иноки, а насельниками лавры – отшельники, пустынники и пустынножители. Киновии устраивались везде – и в пустынях, и в населенных местах, и в самых городах, а лавры – всегда в пустынях. Хотя образ жизни и в киновиях, и в лаврах направлен к одной богоугодной цели – нравственному усовершенствованию, но уставы в них были различны. В киновии подвижники совершали все свои труды, и телесные и духовные, в определенное время и все вместе: вместе работали, вместе молились, вместе принимали пищу, вместе совершали и другие дела. Киновиат не имел никакой собственности; одежда, какую он прикрывал свое тело, вещи, какие были в его келье, – все это было не его, а принадлежностью обители. В лавре же подвижники такой соблюдали устав и такой вели образ жизни: пять дней недели они пребывали безвыходно каждый в своей келье, не вкушая ничего, кроме хлеба, воды и фиников, занимаясь плетением корзин из пальмовых прутьев, упражняясь в то же время в духовных подвигах. В субботу вечером каждый из них со своею работою, которою занимался в течение недели, приходил в обитель, а в воскресный день все они собирались в церковь, причащались Святых Таин и вкушали вареную пищу. Вечером в тот же день, взяв на неделю запаса, то есть хлеба, воды и пальмовых прутьев, они опять уходили в пустыню. Жизнь в лавре считалась несравненно строже, подвиги гораздо труднее, чем в киновии. Поэтому в киновиях жили только что поступившие в иночество и еще не усовершенствовавшиеся в иноческих добродетелях, а в лавры допускались только те, которые уже достигли известных степеней совершенства в нравственной жизни. Когда Савва Освященный, еще юный, явился к преподобному Евфимию Великому и просил старца позволить ему остаться в его лавре и под его руководством упражняться в добродетелях, великий старец отвечал ему: «Сын мой! Нельзя тебе, столь юному и еще безбородому, жить в лавре, да и лавре нет никакой пользы иметь у себя юношу, и тебе, юноше, неприлично быть между отшельниками. Для таких полезнее жить в монастыре [то есть в киновии]»⁹. Впрочем, и в киновиях подвижники достигали высокой степени нравственного совершенства, и между киновиатами бывали великие подвижники, каков, например, Феодосий Великий.

Временем цветущего состояния иночества в Святой Земле были V и VI века. С VII века иночество стало приходить в упадок под влиянием внешних обстоятельств. В начале этого века в Палестине большинство обителей было разорено, а иноки умерщвлены огнепоклонниками персами; в середине того же века Святая Земля подпала под власть аравитян, известных в летописях христианских более под именем сарацинов. Владычество неверных над Святой Землею оказало неблагоприятное действие на состояние иноческих обителей ее. В начале IX века, по свидетельству летописца Феофана, когда во время жестоких междоусобиц, возникших между сыновьями знаменитого халифа¹⁰ Гарун-аль-Рашида, от непрестанных грабежей, раз-

⁸ Лавра – слово греческое. *Лавра* значит, собственно, то же, что греческое слово *ρίσις* – общественная, открытая дорога, потом переулок.

⁹ Кирилл Скифопольский, *прп.* Житие преподобного Саввы Освященного, 7.

¹⁰ Халиф (*араб.*) – в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя. – *Примеч. ред.*

боев и насилий сарацинов многие христиане подверглись мученической смерти, а другие толпами бежали из Сирии и Палестины, покинуты были иноками знаменитые обители св. Евфимия, Феодосия и Харитона¹¹. Владычество над Палестиною новых врагов христианской веры, турок, усилившихся на Востоке с X века, и потом страшные волнения, произведенные в Святой Земле крестовыми походами, были крайне губительны для иноческих обителей Палестины, так же как и для всего Православия на Востоке. В начале XII века большая часть обителей палестинских представляются разоренными и в запустении, как это видно из сказания русского паломника игумена Даниила, ходившего в этом столетии в Иерусалим на поклонение святым местам¹².

Переходя затем от общего очерка подвижничества в Святой Земле к подробному повествованию о судьбе каждой отдельной палестинской обители, мы в этом изложении будем по возможности придерживаться последовательности возникновения каждой из этих обителей, а при ней вспоминать процветавших в ней святых подвижников.

¹¹ См.: *Theophan. Chronographia*. А. М. 6302, Р. X. 802.

¹² См.: Житие и хождение Даниила, Руськия земли игумена: 1106–1108 гг. // Православный Палестинский сборник. 1883. Т. 1. Вып. 3; 1885. Т. 3. Вып. 3 (9) (далее – Житие и хождение игумена Даниила).

Обители четвертого века

Лавры святого Харитона Исповедника

Св. Харитон Исповедник (родился около 280 года по Р. Х.) положил основание иноческому житию в Палестине последовательным основанием трех лавр: Фаранской, Иерихонской и Суккийской.

Лавра Фаранская находилась в шести римских милях¹³ от Иерусалима к северо-востоку и в одной – от того места, где древняя Иерихонская дорога переходила Кутилийский поток¹⁴ и где лежала деревня Фаран. Лавра расположена была в диком ущелье по обоим берегам Кутилийского потока, в береговых пещерах и гротах. Место это¹⁵ до сих пор у туземцев называется Фара и считается одним из диких ущелий гор Иудейских¹⁶. Из того, что до настоящего времени уцелели здесь остатки водопровода и мельницы и в береговых скалах находятся ряды пещер разной величины, служивших жильем, можно заключить, что Фаранская лавра была весьма обширна. Прославленная именем великого Харитона, ее основателя, освященная его святыми останками, она скоро достигла цветущего состояния и сделалась матерью прочих обителей Святой Земли. Многие великие отшельники, основавшие обители, сделавшиеся впоследствии знаменитыми, в ней положили начало иноческой жизни, каковы, например, Евфимий Великий, Феоктист, сопостник его, бывший игуменом одной из его лавр; в ней почерпнули они устав, который дали основанным ими обителям. Она считалась в числе первенствующих обителей палестинских, каковыми были: лавра Евфимия Великого, лавра Саввы Освященного и киновия Феодосия Великого. Время цветущего состояния лавры Фаранской – VI век. В VIII веке она еще существовала: имя ее встречается то в летописях церковных, то в послании того или другого епископа или аввы¹⁷. В начале IX века, когда по причине междоусобиц между детьми Гарун-аль-Рашида настало для Палестинской церкви бедственное время, лавра Фаранская, подобно другим обителям, была на время оставлена иноками¹⁸. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Тридцать лет тому назад развалины Фаранской лавры посетил бывший тогда начальником нашей Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид. По его описанию, по обеим сторонам потока в скалистых берегах повсюду виднеются пещеры, частью природ-

¹³ Римская миля равна 1 версте и 194 сажням. [Верста – старая русская мера длины, равная 1,06 км; сажень – 2,13 м. – *Примеч. ред.*]

¹⁴ Современное название: *ивр.* Нахаль Прат, *араб.* Вади эль-Кельт. – *Примеч. ред.*

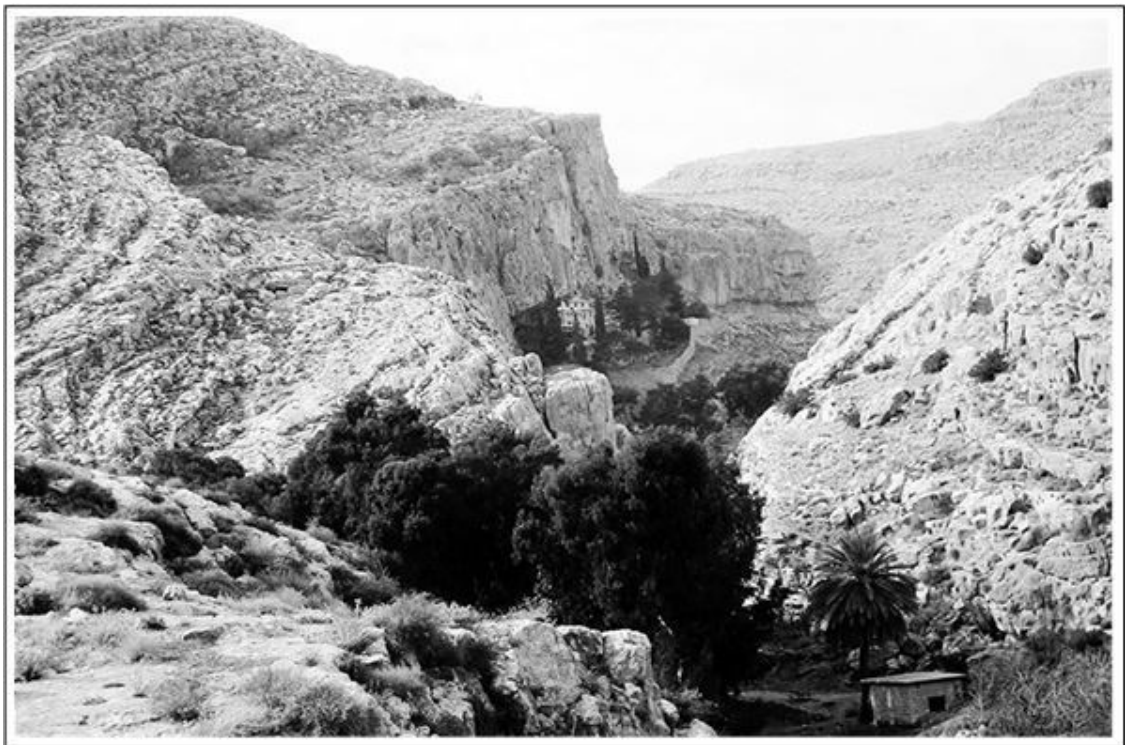
¹⁵ То есть река и ущелье. – *Примеч. ред.*

¹⁶ См.: *Муравьев А.* Письма с Востока в 1849–1850 годах. Ч. 2. СПб., 1851. С. 196 (далее – *Муравьев. Письма с Востока*). В древности было другое место, носившее имя Фаран, – на Синайском полуострове, к северу от горы Синай. Филарет, архиепископ Черниговский, помещая лавру Харитона на Синайском полуострове, очевидно, ошибается. См. также: *Иоани Мосх, блж.* Луг духовный, 41, примеч.; *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 1873. С. 402–414 (далее – *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности); *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins*. Bd. 3. S. 6, 11.

¹⁷ См.: *Муравьев А.* История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших. Ч. 1–2. СПб., 1844. Ч. 1. С. 331 (далее – *Муравьев. История святого града Иерусалима*).

¹⁸ См.: *Муравьев. История святого града Иерусалима*. С. 340; *Theophan. Chronographia*. А. М. 6302, Р. X. 802.

ные, частью искусственно высеченные в скалах; пещеры снизу вверх идут рядами, поднимаясь друг над другом выше и выше; многие из них недостижимы и совершенно недоступны. Пещеры имеют правильные отверстия, которые, очевидно, служили вместо окон и дверей; они показывают, что здесь когда-то обитали люди. На правой стороне потока в отвесно обсеченных скалах находится большая пещера; в ней видны семь правильно высеченных отверстий, которые идут в один ряд: это, как видно, также бывшие двери и окна. В пещеру эту проникнуть можно только через круглое отверстие, до которого с большим трудом поднимаются по наложенным одна на другую каменным глыбам; отверстие выводит на площадку в полсажени ширины и несколько сажен длины; отсюда по шести или семи ступеням, идущим по внутреннему краю площадки, поднимаются к двери, высеченной в скале. «Эта дверь, – говорит архимандрит Леонид, – ввела меня в пещеру, правильно обделанную в виде комнаты в 5½ шагов длины и 4 ширины, вышиною в обыкновенный человеческий рост. Рядом с ней с левой (восточной) стороны два отделения (комнаты), а с правой (западной) одно. Все эти четыре отделения пещеры сообщаются между собою посредством дверей, правильно иссеченных в разделяющих их стенках». В углу второго отделения – ниша в роде жертвенника. Западное отделение самое большое: 12 шагов в длину, 10 – в ширину, с тремя окнами. Это отделение могло служить церковью, а средние – для стояния братьев. Повсюду видны следы штукатурки; на стенах в некоторых местах уцелели фрески. У северной стены западного отделения – спуск в усыпальницу, находящуюся под этим отделением; там видны человеческие кости. Над входом в усыпальницу растет куст благовонной травы.

*Вид на ущелье, где располагалась Фаранская лавра.
В настоящее время здесь находится скит Святого Харитона*

На правой же стороне потока, в нижнем ярусе, находится другая большая пещера, ширины она имеет 10 шагов, длины – 20; стены не обделаны. В камнях и глыбах заметны здесь полуобрушившиеся всходы в верхний ярус пещер. При пещере снаружи висит природный навес из выдавшихся камней. Внизу у потока остатки древних сооружений, приспособлен-

ных для жизни многочисленного общества: это цистерна¹⁹, на нижней площадке – арка водопровода, перекинутого с одного берега на другой в виде моста, и следы древней мельницы, правильно высеченной в береговой скале. Чем далее в глубь ущелья, тем скалы выше и число пещер больше. На северной стороне потока отвесные скалы положительно изрыты пещерами на разной высоте, искусственно высеченными в каменных массах. В таком состоянии находится в настоящее время славная некогда лавра великого Харитона²⁰.

О Иерихонской лавре не сохранилось сведений в исторических памятниках христианской Церкви и самое местонахождение ее доселе с точностью не определено. Некоторые исследователи палестинских святых мест помещают ее на том же потоке Фара, в местности, называемой дер-'Абу-л-Ласси²¹.

Суккийская лавра, или просто Сукка, называлась впоследствии также Ветхою или Древнею²² для отличия от Новой лавры, основанной в 507 году при том же Фекойском потоке преподобным Саввою, находилась к юго-востоку от Вифлеема, в двух часах езды от него по направлению к Мертвому морю.

Подобно лавре Фаранской, и Суккийская лавра достигла цветущего состояния и пользовалась в свое время большою славою. Много в ней было дивных старцев, славою своих подвигов и добродетелей наполнивших всю Палестину и окрестные страны. Нередко и великие подвижники удалялись в нее из других обителей, чтобы совершить здесь свое подвижничество Христа ради. Время цветущего состояния ее – V и VI века. Дальнейшая судьба лавры Суккийской мало известна. В XII столетии она еще существовала и была известна под именем обители св. Харитона, как это видно из сказания игумена Даниила, ходившего в начале этого столетия в Святую Землю на поклонение святым местам. Игумен Даниил говорит, что монастырь св. Харитона лежит к югу от Вифлеема на расстоянии пяти верст, близ моря Содомского²³, в пустыне вельми великой и страшной и совершенно безводной, между горами; под ним страшная дебрь. В монастыре две церкви, в главной – гроб св. Харитона; вне монастыря – усыпальница, в которой лежат тела святых отцов; там же лежат св. Кириак и два сына Ксенофонта – Иоанн и Аркадий; от них исходит многое благоухание²⁴. В XVII столетии лавра представляется разоренною и в запустении, как видно это из путешествия в Иерусалим иеродиакона Ионы (Маленького) в 1651 году²⁵.

Место, где находилась Суккийская лавра, в настоящее время хорошо известно. Славная лавра Харитона сохранилась в предании местных жителей арабов и увековечена в названии «Харитун», которое носят разные места и предметы в трех часах пути от Вифлеема к юго-востоку, недалеко от Текуи (древняя Фекоя)²⁶. Так, есть здесь вадии (поток, ущелье)²⁷ Харитун, хирбет (развалина) Харитун, айн (источник) Харитун и мугарат (пещера) Харитун.

Развалины Харитун, остатки бывшей лавры Харитона, находятся у подошвы и по склону высокой скалистой горы. Уцелела большая линия стены, идущая по склону; стоят еще полуразрушенные башни; сохранилась небольшая, но прекрасно сделанная цистерна; в скалах видны небольшие пещеры, жилища отшельников лавры.

¹⁹ Здесь: хранилище для воды. – *Примеч. ред.*

²⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Старый Иерусалим и его окрестности. С. 402–414.

²¹ См.: *Zeitschrift des Deutschen Palästina – Vereins.* Bd. 3. S. 8, 11.

²² Слово «сукка» в переводе с сирийского означает «шалаш». Старой (Ветхой) лаврой она называется в греческом варианте – ἡ Παλαιά.

²³ Имеется в виду Мертвое море. – *Примеч. ред.*

²⁴ См.: *Житие и хождение игумена Даниила.* С. 79–80.

²⁵ См.: *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1849. С. 168.

²⁶ Фекоя, город в Иудее (см., например, 2 Цар. 14:2; 2 Пар. 11:6; 20:20; Ам. 1:1); *совр.* Хирбет-Теку. – *Примеч. ред.*

²⁷ Точнее: вадии – арабское название сухих русел рек и речных долин временных или периодических водных потоков, заполняющихся во время сильных ливней. – *Примеч. ред.*

На юг от развалин лавры, на вержение камня, но только сильной пращи Давидовой²⁸, говорит А.Н. Муравьев²⁹, высится отвесная скала; на ней находится пещера Харитун и источник, молитвенно испрошенный Харитоном у Бога.

Развалины Суккийской лавры.

Находятся в 1,5 км от современного израильского поселения Ткоа (Текоа), что в 15 км от Иерусалима

Пещера Харитун глубоко вдается в гору и состоит из ряда непрерывных ходов, галерей и изгибов с боковыми ходами и из множества разной величины пещер и комнат; это целый подземный лабиринт, образованный самой природою. Из пещер одни имеют вид небольших круглых комнат, другие представляют собой огромные залы в 100 и более футов³⁰ длины со сводами и куполами. Ходы и галереи во многих местах столь низки, что нужно по ним ползти, а в других представляют широкое пространство. Во многих местах пол издает глухой звук, потому что различные этажи ходов поднимаются один над другим. В самых последних ходах проделаны ниши. Черепки с пеплом, обломки саркофагов, здесь находимые, указывают на то, что пещера служила для погребения. Есть в разных местах древние надписи, но их прочесть трудно.

Пещера, в которой преподобный Харитон, основав лавру, поселился и жил до старости, находится рядом с чудесным источником, который и до сих пор источает воду, спадающую со скалы в водоем. В пещеру ведет отверстие, виднеющееся поверх источника; отверстие это, по преданию, служило Харитону и дверью, и оконцем, через которое проникал туда дневной свет³¹.

²⁸ Имеется в виду расстояние, на которое можно метнуть камень из пращи. – *Примеч. ред.*

²⁹ См.: *Муравьев. Письма с Востока*. С. 181–182.

³⁰ Мера длины, равная 30,48 см. – *Примеч. ред.*

³¹ См.: *Palästina und Syrien*. Bädacker. Leipzig, 1880 (далее – *Palästina und Syrien*); *Guérin V. Description géographique, historique et archéologique de la Palestine. Judée*. Vol. 3. Paris, 1869. P. 133–134 (далее – *Guérin. Judée*); *Олещицкий А. Святая Земля*. Т. 2. Киев, 1878. С. 91–95 (далее – *Олещицкий. Святая Земля*).

Из подвижников Фаранской лавры, кроме основателя ее преподобного Харитона, знамениты: Григорий игумен, Косма скопец, Павел, Феодор Илиотский и Фалалей Киликийский.

* * *

Преподобный Харитон Исповедник (память 28 сентября) родом был из Малой Азии и жил в столице древней Лакаонии – Иконии, между жителями которой славился благочестием и добродетельною жизнью. В гонение на христиан при римском императоре Аврелиане он обнаружил необыкновенную твердость веры и приобрел славу Христова исповедника.

Когда указ императорский о преследовании христиан пришел в Иконию, св. Харитон, как известный и славный в городе христианин, первый из христиан был представлен на суд к начальнику области.

– Почему ты не поклоняешься богам, пред которыми смиряются царь и все народы? – спросил св. Харитона областеначальник.

– Языческие боги, – смело отвечал Харитон, – суть бесы, которые некогда за гордость свою, за то, что хотели уподобиться Всевышнему, низвержены с неба во ад, ныне же безумными и прельщенными людьми почитаются за богов. Но и они сами, и поклоняющиеся им скоро погибнут и как дым исчезнут. А я имею истинного Бога, Который есть Создатель всяческих, Спаситель мира, пребывающий вовеки.

– Уже по первому твоему дерзкому ответу, – сказал областеначальник, – ты достоин смерти, ибо осмелился хулить бессмертных богов и нас, им поклоняющихся, называть безумными и прельщенными, и потому должно злоглаголивую главу твою отсечь мечом. Но поскольку боги наши долготерпеливы и медлят мстить за наносимое им оскорбление, то и я потерплю и не хочу тотчас погубить тебя: может быть, ты придешь в чувство и принесешь вместе с нами жертву тем, коих теперь хулишь, и испросишь у них прощения за свой грех.

Св. Харитон отвечал, что никакие муки не в силах отторгнуть его от истинного Бога и преклонить к почитанию скверных идолов, ибо он ученик блаженной первомученицы Феклы, в сем городе увенчавшейся венцом мученичества.

– Если бы наши боги не были в самом деле богами, – возразил правитель, – то не даровали бы нам счастливой жизни, богатства, славы, здоровья.

– Напрасно ты думаешь, – отвечал на эти слова правителя Харитон, – что все это у вас от ваших ложных богов, которые сами ничего не имеют, кроме своей гибели. Как, в самом деле, могут дать что-нибудь идолы, когда они сами ничего не имеют? Они не могут ни простереть рук своих, ни услышать ушами, ибо они бездушны. И если ты хочешь узнать истину, испытай на самом деле, и увидишь их ничтожность: приложи зажженную свечу к устам идола, почувствует ли он боль? Возьми секиру и подсеки ему ноги: закричит ли? Принеси молот и сокруши ему ребра: будет ли стонать? Подлинно, ничего ты от него не услышишь, потому что он не имеет жизни и дыхания.

Услышав это, областеначальник сильно разгневался и повелел мучить смелого и твердого исповедника Христова. Его обнажили и, распростерши крестообразно на земле, били воловьими жилами до того, что плоть отпадала от костей и кровь лилась по земле.

– Пожрешь ли ты бессмертным богам³², – спрашивал святого мученика правитель в то время, когда подвергали его жестоким ударам, – или хочешь подвергнуть свое тело еще большим ранам?

– Я лучше бы согласился, – отвечал святой мученик, – тысячу раз умереть за Спасителя моего, нежели поклониться вашим богам.

³² То есть принесешь ли жертву. – *Примеч. ред.*

Когда мучитель увидел, что доблестный страдалец едва жив, то приказал отнести его, истерзанного и изъязвленного, в темницу. Господь же для большего прославления имени Своего ниспослал чудесную помощь страдальцу, исцелив совершенно его раны и язвы. Когда св. Харитон приведен был опять на суд и высказал на этот раз еще большее дерзновение, мучитель велел жечь тело его зажженными свечами – и жгли честное тело страдальца до того, что оно почти испеклось. Среди жестоких страданий мученик Христов радовался и славил Господа, сподобившего его терпеть за имя Христово такие муки. Потом он опять брошен был в темницу. Но не суждено было св. Харитону довершить мученического подвига. В 275 году император Аврелиан был убит своими приближенными. Новый император, опасаясь такой же участи, какая постигла его предшественника, повелел прекратить гонение на христиан, и узники Христовы получили свободу. Тогда и Харитон был освобожден из темницы, хотя и желал страдать до конца и сделаться мучеником за святую веру. Промысл благоволил продолжить жизнь его для пользы других. И св. Харитон, не успевши довершить страдальческого подвига и увенчаться венцом мученическим, сделался мучеником произвольным: из любви к Господу он отвергся мира и всего, что в мире, и решился в уединении служить и благоугождать единому Господу.

Св. Харитон Исповедник. Фреска монастыря св. Герасима, иже на Иордане

Чтобы живее воображать распятого Христа Спасителя, сильнее чувствовать крестные страдания Его, преподобный Харитон отправился в Иерусалим для поклонения святым местам. Но не суждено было ему тогда видеть святой град. В дикой пустыне, лежащей между Иерусалимом и Иерихоном, он схвачен был разбойниками и отведен в пещеру, служившую им притоном. Здесь они оставили благочестивого путника, наперед крепко связав его, а сами отправились на разбой и грабежи, намереваясь по возвращении лишить его жизни. Св. Харитон радовался и благодарил Бога, что за имя Христово опять находится в узах, и готовился принять мученическую смерть. Но Господь, предызбравший раба Своего для великого дела – спасения через него других, чудесно избавил его от гибели. Гнездившийся в пещере змей вполз в сосуд с вином, оставленный разбойниками, и, утолив из него жажду свою, отравил напиток, и все разбойники, выпив отравленного вина, погибли. Тронутый чудесным избавлением своим от явной смерти, Харитон решил в этом самом диком вертепе остаться, чтобы служить и благоугождать Господу, столь явно о нем промысляющему. Он поселился здесь и начал проводить жизнь в самых строгих иноческих подвигах, в подвигах молитвы, поста, зло-страдания и терпения.

В глубине Египетской пустыни преподобный Антоний Великий собирал уже к себе ревнителей благочестия и подвигов ради Господа. Распространилась молва и о великом труженике Креста Христова, подвизавшемся в мрачной пещере Фаранской пустыни, и к нему с разных сторон стали стекаться люди – одни ища приюта и защиты от гонений, другие – спасения от суеты мирской, третьи – жажда нравственного совершенства. С любовью принимал всех великий подвижник, заповедуя безмолвствовать и подвизаться уединенно, – и явилось общество подвижников благочестия, первая и знаменитейшая в Палестине лавра Фаранская. Заботясь об устройстве своего общества, преподобный Харитон дал ему и устав. Он заповедал подвижникам однажды в день, вечером, вкушать пищу – хлеб и воду, и то в меру, чтобы не потерять способности к полунощной молитве и бдению, и по молитве упражняться в рукоделье, причем с опасением они должны наблюдать, чтобы ни один час не прошел в праздности, дабы диавол, застав инока в праздности, не уловил его греховною сетью, ибо леность и праздность – начало грехопадения. Также заповедал братьям хранить совесть в чистоте, как зеницу ока, нищету любить более золота и серебра и послушание иметь, как помощника, содействующего спасению, приобретать смирение, любовь, терпение, незлобие и все прочие иноческие добродетели, как многоценное сокровище; постоянно пребывать в келье и безмолвствовать, не переходить с места на место, не собираться на праздные беседы, ибо много преткновения бывает добродетели от суесловия, как говорит Писание: *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15:33). Такие правила дал своим подвижникам преподобный Харитон. Видно отсюда, что он с самого начала ввел в своей лавре образ жизни келейный или отшельнический, который в то время уже известен был в Египте.

По любви к безмолвию преподобный Харитон не захотел сам управлять своею обителью, но, избрав одного подвижника, превосходившего прочих иноческими добродетелями, поставил его пастырем и руководителем иноков, а сам, благословив свою обитель, удалился в дальнюю пустыню для высших подвигов. Близ Иерихонских пределов старец нашел одну пещеру, которая ему понравилась; он поселился в ней и стал подвизаться о Господе, подобно Ангелам славословя Его день и ночь. Пищею служили подвижнику растущие в тех местах травы. Но больше он питался духовною пищею – словом Божиим, непрестанною молитвою и горячими, лившимися день и ночь от пламенной любви его к Богу слезами; он говорил с пророком Давидом: *слезы были мне день и ночь хлебом* (Пс. 41:4). Но и в новом уединении он недолго наслаждался безмолвием: скоро узнали о сокровенном месте раба Христова и в лавре, и по окрестным весям и городам, и вот к нему опять стали собираться ревнители подвижничества и высшего нравственного совершенства, чтобы около него поселиться и под его мудрым руководством жить и работать о Господе. Видя волю Божию, чтобы и эта дикая пустыня, в которой

преподобный Харитон думал безмолвствовать один, населилась отшельниками и огласилась их священными песнями и молитвословиями, он принимал к себе всех, и образовалось новое общество тружеников Креста Христова, новая лавра Иерихонская. В новой лавре св. Харитон ввел такой же устав, какой был дан первой – Фаранской. Но любовь к уединению и безмолвию не позволила великому отшельнику и здесь долго оставаться: он скрылся в пустыню, лежавшую к востоку от города Фекои и простиравшуюся до Мертвого моря, и там долгое время подвизался один, никому не ведомый, переходя с места на место.

Раз проходили эту пустыню некоторые подвижники и в одном месте встретили дивного отшельника и узнали его. Павши старцу в ноги, умоляли его позволить им жить с ним, чтобы соревновать его высоким подвигам; старец на это согласился. Снова разнеслась молва о месте подвигов преподобного Харитона и снова собралось около него много лиц, желавших под его руководством безмолвствовать: образовалось новое общество отшельников, третья лавра – Суккийская. Новая лавра расположена была у подошвы одной высокой горы, на которой находилась пещера. Старец поселился в этой пещере и пребыл в ней до глубокой старости. На горе не было воды. Не желая, чтобы кто из братии трудился носить ему наверх воду, раб Христов обратился с молитвою к Богу – и из камня потек источник, из которого он и брал себе воду.

Достигнув высокой степени нравственного совершенства, созрев в добродетелях, как спелый грозд, преподобный Харитон приблизился к исходу из сей временной жизни. Предызвещенный Богом о близости своей кончины, старец призвал настоятелей и братию трех своих лавр. «Я отхожу от вас, – сказал он им, – как велит Господь, ибо пришло время, которое я с радостью ожидал, чтобы, разрешившись от плотских уз, идти и явиться пред лице Бога моего. Вы же, чада мои, пекитесь о своем спасении, чтобы каждый из вас, избегнув вражьих сетей, удостоился по исшествии из тела прийти ко Господу и получить от Него милость». Услышав это, все горько заплакали. «Оставляешь ты нас, чад своих, отец и учитель наш, – говорили они, – оставляешь нас, пастырь наш, угасает, светильник и вождь пути нашего». Старец утешал их и говорил: «Господь наш Иисус Христос обещал быть с нами неразлучно до скончания века; Он не оставит вас. Если я обрету у Него дерзновение, то буду молить Его благостыню, чтобы на Страшном суде своем не разлучил вас друг от друга, как овец от козлищ, но поставил одесную Себя вместе с благословенными своими и собрал вас в одну ограду в Царстве Своем». Братия спросили старца, где он заповедует похоронить его. Старец отвечал: «Отдайте персть персти, где хотите, ибо Господня земля и исполнение ее». Братия сказали: «Нет, отче, ты устроил три обители и три собрал стада; каждому хотелось бы иметь у себя честные твои мощи. Посему, чтобы не было между нами распри, ныне завещай, где положить честное твое тело». Исполняя просьбу учеников своих, старец пожелал, чтобы положили его тело в первой лавре и в той пещере, где он чудесно спасен был от смерти, которую готовили ему разбойники. Приведенный в Фаранскую лавру, старец преподал собравшейся вокруг него многочисленной братии последнее благословение и мирно предал святую душу в руки Божии. Блаженная кончина его последовала около 350 года.

Преподобный Григорий игумен (память 20 апреля) был настоятелем Фаранской лавры и славился великими подвигами и высоким просвещением. За эти качества он избран был в патриархом Антиохийским и святительствовал с 570 по 593 год. В «Луге духовном» о нем рассказывается следующее.

Св. Григорий Антиохийский

В то время в Палестине славился отшельник Сергей, подвизавшийся в пустыне близ Мертвого моря. «Авва Григорий много упрасивал меня, – рассказывал Сергей армянин, ученик аввы Сергия, Иоанну Мосху и Софронию, – привести его к авве Сергию. Я пошел с ним к старцу. Старец пребывал в то время в пустыне у Мертвого моря. Когда увидел его старец, то очень ласково приветствовал его и, принеся воды, умыл ему ноги и весь день беседовал с ним о пользе душевной, а на другой день отпустил его. Когда авва Григорий ушел, я сказал старцу: “Знаешь ли, отче, я ведь соблазнился. Приводил я к тебе многих епископов, пресвитеров и других отцов, и никому из них ты не умыл ног, кроме аввы Григория”. Тогда старец сказал мне: “Я не знаю, кто это Григорий, знаю только, что я в пещере своей принял патриарха. Ибо я видел на нем омофор и он держал в руке своей Евангелие”. По пророчеству старца спустя пять лет авва Григорий поставлен был патриархом града Божия Антиохии»³³.

Преподобный Косма скопец (память 3 августа) жил в VI веке и подвизался в лавре Фаранской. В этой же лавре он безмолвствовал, когда ею управлял вышеприведенный Григорий игумен.

Дивным подвижником был преподобный Косма. «Пришел я однажды к авве Косме в лавру Фаранскую, – рассказывал Василий, инок, пресвитер монастыря Византийского, Иоанну Мосху и Софронию, странствовавшим по святым местам в конце VI и в первой четверти VII века, – и сказал мне старец: “Пришел мне некогда помысл, что значит изречение Господа ученикам Его: *имеющий одежду, пусть продаст ее и купит нож* и пр. (Лк. 22: 36–37). Будучи не

³³ *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 139.

в состоянии понять этого изречения Господня, я отправился в лавру Пирги к авве Феофилу спросить его о смысле изречения. Это было в самый полдень. Когда я шел по пустыне и находился близ лавры Каламони, то увидел огромного змея, спускавшегося с горы в Каламони. Змей был так велик, что извивавшийся длинный хвост его представлял собою огромную комнату, и я, идя по дороге, вдруг очутился как бы в какой комнате и прошел через нее без всякого для себя вреда. Тотчас же я понял, что это диавол хотел преградить мой путь и воспрепятствовать моей благочестивой ревности, но молитвы старца помогли мне. Я пришел к авве Феофилу и спросил его о сказанном изречении. Он сказал мне: “Два ножа означают делание и видение – деятельность и созерцание: если кто это исполнит, тот совершен”». Тот же пресвитер Василий, пробывший в Фаранской лавре десять дней, рассказывал, что авва Косма говорил о спасении души. Приведя одно место из сочинений св. Афанасия, патриарха Александрийского, он сказал: «Если ты встретишь где изречение св. Афанасия и не имеешь бумаги, напиши его на своей одежде». Такое уважение имел старец к святым отцам и учителям.

Рассказывали еще об авве Косме, что он каждую ночь с вечера до утра стоял в своей келье и читал и пел, а в церкви никак не позволял себе сидеть и, когда заканчивал канон, садился и читал Евангелие, пока все братия соберутся на пение.

Преподобный Косма глубоко уважал и любил настоятеля своей лавры Григория. Когда Григорий за свои высокие качества ума и сердца возведен был на святительскую кафедру Антиохийской церкви, Косма пожелал видеться с ним и для этого, несмотря на свою старость, предпринял далекий и трудный путь в Антиохию. Прибыв туда, он утешился свиданием с патриархом и наслаждался духовною с ним беседою. Но блаженному старцу не суждено было более увидеть своей лавры; он мирно скончался в Антиохии и был погребен в одном из тамошних монастырей.

«Когда я был в Антиохии, – тот же пресвитер Василий рассказывал Иоанну Мосху и Софронию, – в один день пошел я в церковь поклониться мощам старца Космы и увидел, что около гроба его стоит один нищий, который прежде был расслаблен, лежал при церковных дверях и просил у входящих в церковь милостыню. Когда нищий увидел, что я совершил пресвитерскую молитву, то сказал мне: “Господин авва, велик был сей старец, которого похоронили здесь два месяца тому”. Я сказал ему: “Почему ты знаешь?” – “Я был расслаблен двенадцать лет, – отвечал нищий, – и ради сего старца исцелил меня Бог, и, когда я бываю в скорби, старец приходит утешать меня и подает мне успокоение. И вот выслушай то, что еще удивительнее: с того самого времени, как похоронили его, я каждую ночь слышу голос старца к епископу: не приближайся и не прикасайся ко мне, еретик, ибо ты – враг Бога и Соборной и Апостольской Церкви”. Я поведал об этом патриарху и просил его положить тело святого старца в другом месте. Патриарх сказал: “Поверь мне, сын мой, авва Косма нисколько не страдает от еретика, но это случилось для того, чтобы мы узнали добродетельную жизнь и ревность старца о благочестии и чтобы обличилось зловерие епископа, которого мы не будем теперь считать православным”»³⁴.

Преподобный Павел подвизался в лавре Фаранской также в VI веке и был мужем святым, богоугодной жизни. Он был великим постником и ни с кем не вступал в разговор, будучи постоянно погружен в богомыслие, непрерывно предаваясь внутренней молитве; умиление же имел такое, что и день и ночь плакал. Так провел великий подвижник пятьдесят лет и мирно почил о Господе³⁵.

³⁴ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 40.

³⁵ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 41.

Преподобный Феодор Илиотский подвизался в лавре Фаранской в VI же веке. Он достиг своими подвигами высокой степени нравственного совершенства и далеко славился даром вразумления и поучения.

На горе Елеонской подвизался некоторый затворник. На него вооружился бес блуда и возбудил в нем сильную плотскую страсть. Всеми силами боролся затворник с плотским вожделением. В один день бес напал на него с ожесточением и сильнее прежнего мучил его плотскими мыслями, так что борьба со страстью становилась почти невыносимой. Затворник стал горько плакать и говорил бесу: «Когда ты перестанешь бороться со мной и меня мучить? Отойди от меня: пора, и ты уже состарился!» И вот явился ему бес видимо и сказал: «Поклянись мне, что ты не передашь того, что я скажу тебе, и потом перестану бороться с тобой». Старец поклялся, говоря: «Клянуся Живущим в вышних, что я никому не открою того, что ты мне скажешь». Бес сказал ему: «Не кланяйся этому образу, и я не буду больше мучить тебя». Образ же этот был Владычицы Богородицы, держащей на руках младенца Господа Иисуса Христа. Затворник сказал бесу: «Позволь мне несколько подумать». Бес позволил. На другой день затворник отправился в лавру Фаранскую к авве Феодору Илиотскому и рассказал ему обо всем, что произошло между ним и бесом. Выслушав рассказ затворника, авва Феодор сказал ему: «Ты весьма поруган, поскольку дал клятву демону, но хорошо сделал, что открылся. Гораздо лучше для тебя посетить в городе все места заторные, нежели отвергнуться Господа и перестать поклоняться Его образу и образу Пречистой Богородицы». Поучив его довольно, авва Феодор отпустил его с миром, и затворник возвратился в свою келью с новою решимостью продолжать борьбу с бесом. Скоро бес опять явился к затворнику и сказал ему с укоризною: «Что ж ты, старец, сделал? Поклялся мне, что не откроешь никому, что я тебе сказал, а ты поведал другому! Как клятвopеступник, ты осужден будешь за это в день судный». Затворник отвечал ему: «Знаю, что я клялся, но клялся моим Владыкою, Которому, как Творцу моему, кланяться не перестану, тебя же никогда не послушаю». Бес блуда оставил затворника в покое³⁶.

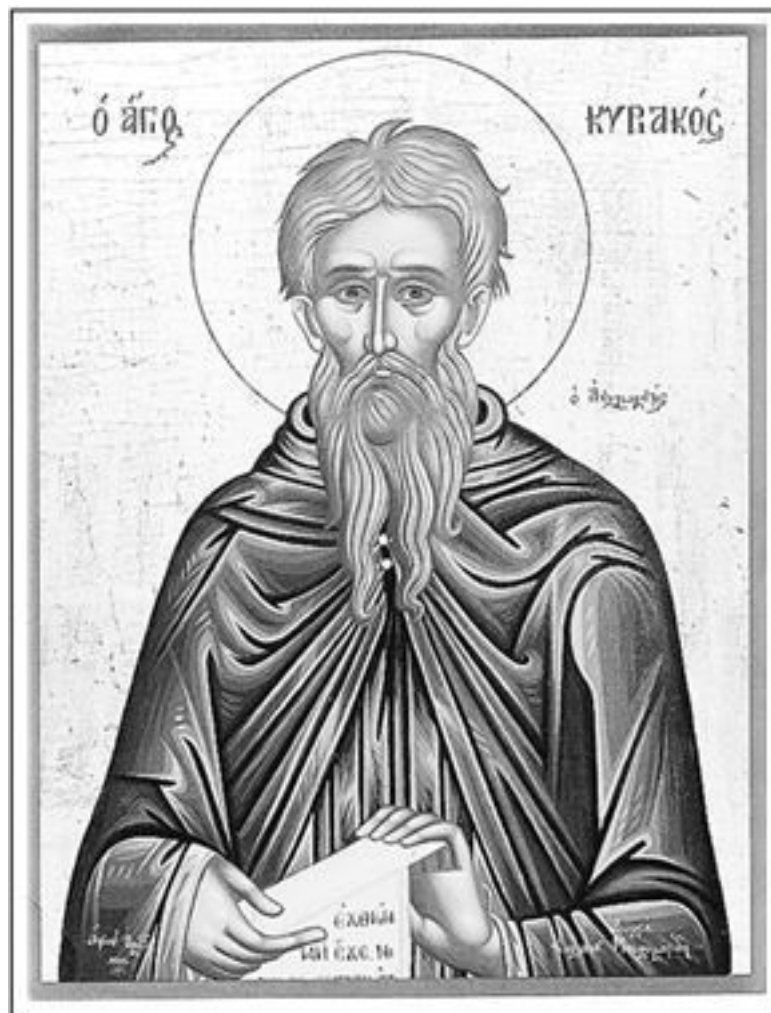
Преподобный Фалалей Киликийский жил также в VI веке. Шестьдесят лет провел он в лавре Фаранской в подвигах поста, молитвы, злострадания и во все это время никогда не переставал плакать. Он говорил: «Время настоящее дал Бог на покаяние, и если мы погубим его, то за это сильно будем истязаться»³⁷.

Из подвижников лавры Суккийской, или Ветхой, известны и знамениты два отшельника. **Преподобный Кириак отшельник** (память 29 сентября) родился в Карфагене в 447 году и был сродником епископу Карфагенскому Петру. Выросши и выучившись читать, Кириак был поставлен чтецом соборной церкви. Частое посещение храма Божия, чтение Божественных книг, повествования о подвигах святых мужей – все это воспитало в нем страх Божий, воспламенило его сердце и возбудило в нем желание подражать подвижникам. И Кириак 18 лет от роду оставил все, что его привязывало к миру, и отправился в Палестину, чтобы там в кругу тружеников Христовых служить и работать единому Господу. Поклонившись святыне в Иерусалиме и окрестных местах, Кириак остался в монастыре Евсторгия, находившемся в самом Иерусалиме близ Сионской горы, и положил здесь начало подвижнической жизни. Жаждая безмолвия и высших подвигов, он удалился к великому Евфимию, который поручил его сперва преподобному Феоктисту, а по кончине его преподобному Герасиму Иорданскому. Скоро Кириак снискал любовь преподобного Герасима, и великий подвижник брал его с собою в пустыню Рува, когда сопутствовал преподобному Евфимию, обыкновенно удалявшемуся

³⁶ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 45.

³⁷ См.: *Иоанн Мосх, блж.* Луг духовный, 59.

туда на все дни Святой Четыредесятницы. По кончине преподобного Герасима Кириак переселился в лавру св. Евфимия, где, затворившись в келье, пребывал в ней как бы погребенный в гробе, беседуя только с единым Господом. В этой лавре он пробыл десять лет. Когда между иноками обителей Евфимия и Феоктиста возникли несогласия, Кириак удалился в Ветхую лавру. Там он принят был как новоначальный и снова проходил все низшие послушания. Восемнадцать лет исполнял он должность канонарха³⁸. Наконец он возведен был в степень пресвитера. Ревнуя о высших иноческих подвигах, Кириак с одним учеником своим удалился в соседнюю пустыню Натуфа, в которой провел пять лет; пять лет он подвизался в другой пустыне – Рува, куда переселился, бегая славы человеческой, быстро распространявшейся о нем повсюду; наконец, когда и здесь стали беспокоить его посетители, ушел в самую сокровенную пустыню – Сусаким, в которой не подвизался дотоле ни один отшельник. Пробыв в этой пустыне семь лет, великий отшельник возвратился в Ветхую лавру по просьбе ее иноков, которые верили, что с возвращением великого старца (ему было в это время уже 70 лет) низойдет на их обитель благословение Божие. Еще раз старец удалился в любимую пустыню свою, будучи уже девяноста девяти лет, и прожил в ней восемь лет. Скончался он ста девяти лет от роду в 556 году.

Прп. Кириак Палестинский

Необыкновенным мужем был отшельник Кириак, достигший высокой степени духовного просвещения и нравственного совершенства. Преподобный Кириак сам говорил о себе, что во

³⁸ Канонарх – клирик, наблюдающий порядок чтения и пения на клиросе.

все время, как он был канонархом, солнце не видело его ядушим или гневающимся на кого. Говорил еще, что он каждый вечер, встав на молитву, начинал читать Псалтирь и продолжал это до удара в било к полуночному пению.

Жил старец с учеником своим в пустыне Натуфа. Им нечем было здесь питаться, потому что росшие в этой пустыне травы были весьма горьки и ядовиты. Старец помолился Богу и потом сказал ученику своему: «Пойди набери трав и свари их: благословен Бог всемогущий! Он пропитает нас этими травами». Ученик исполнил это повеление. Бог сотворил по молитве старца: горькие растения переменялись в сладкие, и старец питался ими с учеником своим четыре года. Некоторый благочестивый человек, старейшина из Фекуи, прибыв в старцу, чтобы получить от него благословение, привез с собою несколько хлебов и оставил их старцу. Старец и ученик его стали питаться этими хлебами. Сварил однажды ученик горькие травы без повеления старца и, когда попробовал кушанья, ощутил такую горечь и остроту, что совсем потерял голос. Старец, узнав причину немоты его, помолился над его головою, причастил Святых Животворящих Таин, и он сделался совершенно здоров и стал говорить по-прежнему. Наставляя ученика своего при этом случае, старец говорил: «Бог не всегда хочет творить чудеса, но только во время нашей нужды. Когда мы не имели хлеба, Бог горькое зелие усладил нам в пищу; теперь у нас есть хлеб – зачем же опять требовать чуда, чтобы усладить горькие травы?» Когда хлебы все вышли, старец говорит своему ученику: «Благословен Бог, сын мой! Иди и навари трав». Ученик сделал это, но боялся прикоснуться к кушанью, чтобы опять не пострадать. Старец, благословив пищу, вкусил сам первый, за ним вкусил и ученик, и вреда от нее не испытали они никакого: горькие травы опять сделались сладкими и годными к употреблению.

Когда преподобный Кириак жил и подвизался в пустыне Сусахим, ему служил там лев, который и охранял его от нападения врагов. Под охранением этой дивной стражи увидел однажды старца Кирилл Скифопольский, жизнеописатель Евфимия Великого, Саввы Освященного и самого Кириака, пришедший в пустыню Сусахим посетить великого отшельника с одним учеником его. «Когда мы приближались к тому месту, где жил Кириак, – рассказывает Кирилл в жизнеописании великого отшельника, – встретил нас пребольшой и престрашный лев; увидев его, я сильно испугался. Иоанн, ученик старца, увидев меня в сильном испуге, сказал: “Не бойся, брат Кирилл, лев этот – послушник отца нашего; он не делает вреда никому, кто приходит к старцу”. Лев, увидев нас, сошел с места и уступил нам дорогу, видя, что мы идем к старцу. Старец был очень рад мне и, когда услышал от ученика своего, что я, увидев льва, весьма испугался, сказал мне: “Не бойся, сын мой, этого льва; он со мною живет и стережет малый огород мой от диких коз”. Беседуя с нами, старец много говорил о великом Евфимии и других отцах-пустынниках; потом сели мы за скромный стол. Когда мы вкушали пищу, подошел к нам лев. Старец бросил ему кусок хлеба и послал стеречь свой огород, мне же сказал при этом: “Лев не только стережет мой огород, но и прогоняет разбойников, которые много раз нападали на убогое место сие”. Я подивился, услышав об этом, и прославил Бога, покорившего угоднику Своему диких зверей, как овец. На другой день старец, благословив меня, отпустил с миром и велел ученику своему провести меня. Когда мы пошли от старца, опять встретили на дороге льва. Не смея идти мимо зверя, мы остановились; тогда лев сошел с дороги, и мы спокойно прошли».

Место, где жил преподобный Кириак в Сусахимской пустыне, было диким и безводным; старец зимою запасал на весь год известное количество воды. В одно лето, в июне месяце, был в той стране чрезвычайный жар, и вода у старца вся высохла. Скорбя о недостатке воды, старец помолился Богу, и едва только произнес: «Боже, напоивший в пустыне жаждущего Израиля!

Поддай мне в пустыне сей немного воды для удовлетворения потребностей убогого тела моего» – тотчас явилось над Сусахимом небольшое облако; полился дождь, и все рвы и ямы, находившиеся вокруг кельи старца, наполнились водою. Так скоро услышал Бог молитву раба Своего!

Преподобный Иоанн Ветхопещерник (память 19 апреля). Исторических сведений о нем в памятниках церковной письменности находится весьма мало, так же как свидетельств и опытов духовной его жизни. Известно только, что преподобный Иоанн еще в молодых годах из любви к Богу оставил отечество (откуда он происходил, неизвестно) и, прибыв в Святую Землю, удалился для совершения подвижничества в Ветхую лавру преподобного Харитона Исповедника. В этой лавре он и провел всю свою жизнь в аскетических трудах, достиг высокой степени нравственного совершенства и чистоты. Жил преподобный Иоанн около VIII века.

Лавра преподобного Илариона Великого

В то время, когда в юго-восточной части Палестины явились труженики Креста Христова, руководимые преподобным Харитоном Исповедником, когда пустыни и ущелья гор Иудеи наполнились отшельниками, процвела и юго-западная часть Святой Земли пустынно-жителями и наполнилась обителями подвижников благочестия. Во главе иноческих обителей на юго-западе Палестины стояла лавра преподобного Илариона Великого, основанная между 335 и 341 годами.

Лавра преподобного Илариона Великого находилась в четырех – пяти часах пути от города Газы, к югу, в Газской пустыне³⁹. Прославленная именем великого Илариона, она еще при жизни своего основателя достигла цветущего состояния и сделалась славною в истории христианской Церкви. На далекое пространство расселялись в уединенных кельях и кущах ее отшельники в обширной пустыне, во все стороны простиравшейся от Газы и соприкасавшейся с пустынной Идумеей.

Из лавры преподобного Илариона расходились по разным местам Святой Земли ученики его и основывали новые обители, каков, например, был Епифаний, основавший обитель иноческую в Елевферополе⁴⁰ и бывший впоследствии епископом Кипрским⁴¹; в ней полагали начало подвижнической жизни мужи, являвшиеся потом предстоятелями церквей и на епископских кафедрах, отличавшиеся высокими аскетическими трудами и святостью жизни; таковы, например, были Аврелий Анфидонский, Алафион Асалеийский, Алексий Вифавагонский⁴². Великую услугу оказала Христовой Церкви лавра преподобного Илариона, когда трудами и деятельностью своих подвижников внесла свет истинной веры в густой мрак язычества, покрывавший дотоле южную часть Святой Земли. Быстро распространилось здесь христианство, и уже в половине IV века в городах и селениях явились христианские храмы. Трудом самого Илариона и учеников его положено начало христианства и между арабами, кочевавшими между Палестиною и Египтом; это так называемые гассаниды, коим по просьбе царицы их Мавии поставлен был уже по кончине Илариона епископ⁴³. Незабвенны в этом отношении имена учеников преподобного Илариона: Исихия, любимейшего его ученика, вышеупомянутых Аврелия, Алафиона и Алексия, Зинова, впоследствии епископа Маюмского, Алафиона, предка церковного историка Созомена, и внуков Алафиона: Саламана, Малхиона, Фускона и Криспиона; они особенно ревностно трудились в деле распространения и утверждения христианской веры в обширной Газской округе, силою молитв и слова действуя на простые души поселян, косневших в грубом идолопоклонстве⁴⁴. Дед историка Созомена и Алафион, родственник его, обратили в христианскую веру все многолюдное селение Вефилию⁴⁵, в котором сами жили, и город Газу; как люди благочестивые и состоятельные, они строили церкви и монастыри, учреждали больницы, богадельни и странноприимные дома⁴⁶. Процветала лавра преподобного Илариона

³⁹ См.: *Созомен*. Церковная история. III, 16; *Histoire ecclésiastique par l'Abbè Fleury*. Paris, 1844. Vol. 1. Liv. 10. Ch. 9 (далее – *Histoire ecclésiastique*); *Норов А.С.* Путешествие по Святой Земле. 2-е изд. СПб., 1844. Ч. 1. С. 55 (далее – *Норов*. Путешествие по Святой Земле. Ч. 1).

⁴⁰ *Араб*. Бейт-Джибрин. [Елевферополь (греч. Ελευθερούπολη) – свободный город) – греческое название древнеримского города (Eleutheropolis) в Израиле. Расположен на дороге между Иерихоном и Газой, около современного поселка Бейт-Гуврин. – *Примеч. ред.*]

⁴¹ См.: *Созомен*. Церковная история. VI, 32.

⁴² См.: *Созомен*. Церковная история. III, 14.

⁴³ См.: *Арсений, архим.* Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные, от Рождества Христова до 1879 г. СПб., 1880. С. 124 (далее – *Арсений, архим.* Летопись церковных событий).

⁴⁴ См.: *Созомен*. Церковная история. VII, 28; *Арсений, архим.* Летопись церковных событий. С. 124.

⁴⁵ Город в Палестине, лежащий к югу от Газы.

⁴⁶ См.: *Созомен*. Церковная история. V, 15.

в V и VI веках. Историк Созомен, живший в V веке, свидетельствует, что день памяти преподобного Илариона праздновался в его лавре ежегодно и весьма торжественно и что к этому дню во множестве стекались жители окрестных городов и селений⁴⁷. Судьба лавры в следующих веках неизвестна.

Церковные апсиды и крипта (вверху) и мозаичный пол (внизу). Руины на Телль-Умм-эль-Амр.

Телль расположен близ селения Дейр-эль-Нусейрат, в 10 км от Газы.

⁴⁷ См.: Созомен. Церковная история. III, 14.

Этот монастырский комплекс, раскопанный в 1997–2000 гг., отождествляют с обителью Илариона Великого. Решающим аргументом в пользу этой гипотезы служит мозаичная надпись на полу храма над местом расположения небольшой крипты-склепа: «Молитвами и заступничеством св. отца нашего Илариона помилуй нас. Аминь». Возможно, в этой крипте были помещены мощи Илариона Великого после перенесения с Кипра

Место, где находилась лавра преподобного Илариона Великого, точно не известно. Полагают, что вади Гуззэ, находящийся в семи верстах от Газы к югу, и был древним потоком Тавафа, на коем лежало селение того же имени – место рождения Илариона, предполагаемое ныне в хирбет Атрауи или хирбет эль-Бридте⁴⁸. Так как преподобный Иларион после первых лет подвижничества близ моря удалился в пустыню, начинавшуюся к югу от селения Тавафа, где возникла потом обширная лавра с многочисленным обществом подвижников, для потребностей своих требовавшая близости воды, то следует искать лавру Илариона Великого в южных продолжениях вади Гуззэ, может быть, хирбет Футес в 14 верстах к юго-востоку от Газы.

Из подвижников лавры преподобного Илариона, кроме самого основателя ее, знамениты ученики его: Исихий, Малхион, Зион и Аякс.

Преподобный Иларион Великий (память 21 октября), славный в отцах, знаменитый в подвижниках, родился в 291 году в местечке Тавафа близ Газы от языческих родителей, как роза от терний, по словам блаженного Иеронима, описавшего жизнь сего великого подвижника. В Александрии, куда родители отправили его для приобретения образования и где сделал он большие успехи в науках, он просветился светом Христовой веры. Учение христианское глубоко проникло в его душу. Любимым занятием его в Александрии сделалось находиться в собрании верных. Слава о подвигах Антония Великого⁴⁹, повсюду в то время распростра-

⁴⁸ См.: Guérin. Judée. Vol. II. P. 255–256.

⁴⁹ Св. Антоний Великий, отец египетских подвижников, родился в 250 г., скончался в 356 г. Память его 17 января.

нившаяся, расположила Илариона идти в пустыню, в которой подвизался Антоний, чтобы научиться духовной жизни под руководством сего славного подвижника. «Добро пожаловать, денница, восходящая завтра!» – приветствовал Илариона Антоний.

«Мир тебе, столп света, просвещающий вселенную!» – отвечал он. Два месяца пробыл у Антония юный Иларион. Образ жизни великого египетского отшельника глубоко подействовал на впечатлительную душу Иллариона; он воспламенился желанием вести такой же род подвижнической жизни, какой вел преподобный Антоний, и, приняв от него благословение на жизнь подвижническую, возвратился в Палестину.

Следуя заповеди Христовой: *кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть моим учеником* (Лк. 14: 33), преподобный Иларион раздал все свое имущество (доставшееся от родителей, которых он не застал в живых) своим братьям и бедным, не оставил себе ничего и удалился в обширную пустыню, во все стороны простиравшуюся от Газы. Напрасно удерживали его родные и знакомые, представляя ему на вид юный возраст его, нежность телосложения, трудность жизни в пустыне, оголенной и опаленной, опасность от разбойников: юный подвижник был непоколебим. «Что ты сделаешь, когда нападут на тебя разбойники?» – спрашивали Илариона. «Кто ничего не имеет, – отвечал он, – тому нечего их бояться». – «Они могут тебя убить», – устрашали его. «Правда это, – спокойно отвечал он, – но потому-то я не боюсь их, я готов умереть». Поселился Иларион сначала близ моря, на расстоянии двадцати стадий⁵⁰ от родного селения, а потом углубился в пустыню далее. Пятнадцать лет только ему минуло, когда он вступил в пустыню. Это было в 306 году.

И начались подвиги преподобного Илариона, изумившие христианский и языческий мир своею необычайностью; подвиги самого строгого поста и воздержания, непрестанной молитвы и богомыслия, телесных и духовных трудов, терпения и злострадания, – подвиги, которым удивлялся блаженный Иероним, сам великий подвижник.

Сначала Иларион стал жить в шалаше, устроенном из древесных ветвей и болотных растений; потом устроил себе хижину из кирпича, хвороста и разбитых черепиц, имевшую четыре фута в ширину, пять футов в длину и столько же в высоту. Хижина вовсе не соответствовала его росту, и он должен был, говорит Созомен, стоя наклонять голову, а лежа подгибать ноги. В такой хижине он жил очень долго. Власяница, кожаное покрывало, подаренное ему Антонием Великим, и грубый плащ, какой носили тогда поселяне, были постоянною его одеждою. Одежды он не менял, а носил ее до тех пор, пока она совершенно не изнашивалась и необходимость заставляла его взять новую. Пищу принимал Иларион в самом малом количестве, вовсе не заботясь о ее качестве. Сначала он питался фиговыми плодами, но потом, ощущая в этой пище некоторое удовольствие, оставил ее и до 27 лет употреблял только чечевицу, размоченную в холодной воде, три следующие года вкушал хлеб с водою и солью, прибавляя к этому несколько диких трав и жестких корней. В следующие пять лет брал в пищу ежедневно шесть унций ячменного хлеба и вареные травы, но, замечая, что лицо его стало иметь болезненный вид, а на теле появились лишай, начал прибавлять немного масла. Так питался он до 63 лет. В это время, чувствуя слабость в теле и не желая, однако же, ослаблять строгости поста и воздержания, великий подвижник оставил совсем употреблять хлеб, а вместо того стал питаться похлебкой, приготовленной из диких трав с небольшим количеством муки. Такая похлебка служила ему уже до самой смерти. Пищу принимал он раз в день, и всегда после захода солнца; и такого правила он не нарушал ни в праздничные дни, ни во время сильной болезни. Нередко дивный подвижник три – четыре дня оставался совсем без пищи; это он делал особенно в то время, когда с особенною яростью нападал на него диавол – враг добра и спасения человеческого; в таких случаях для восстановления истощенных сил употреблял фиговые плоды и сосал некоторые травы. Спал преподобный Иларион на голой земле, подложив под голову пучок вет-

⁵⁰ Около трех с половиной верст.

вей, и сон его был самый короткий. Один раз в году, именно накануне Пасхи, он обрезывал свои волосы. При таком суровом образе жизни, среди такого злострадания и самоумерщвления, подвижник Христов, следуя словам Спасителя: *бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26:41), находился в непрерывных трудах и занятиях, духовных и телесных, старался хранить трезвение ума, иметь внимание к своему внутреннему состоянию. В одно время он молился и пел псалмы или читал слово Божие, насыщая им свою душу, углубляясь в разумение его смысла; в другое, по примеру египетских пустынников, плел корзины из тростника или копал заступом землю. Но и телесный труд он соединял с духовным деланием: сидя за корзиною, копая землю, он в то же время пел псалмы или говорил наизусть целые места из Библии. От постоянного чтения слова Божия Иларион знал все Священное Писание на память. Такой образ жизни вел преподобный Иларион, такие труды и подвиги совершал во всю жизнь и в самой старости. Поселившись один в пустыне, подвизаясь здесь ради угождения Богу и спасения души, преподобный Иларион должен был выдержать жестокую борьбу с диаволом. Дух злобы, исконный враг рода человеческого, не терпит, когда человек заботится о своем спасении, когда ревнует о Боге и добродетели. С ожесточением вступил он в борьбу с юным подвижником, усиливаясь остановить его рвение к подвигам, смутить его, поколебать, удалить из пустыни и возвратить в мир, и действовал в этом случае всеми мерами. Последовали для подвижника Христова страшные искушения. Хитрый враг то возбуждал в его душе чувственные пожелания, разжигая в нем плотскую страсть, то волновал ум его сомнениями, сердце нечистыми помыслами, то представлял взору его соблазнительные картины и образы, то, наконец, устрашал мрачными видениями; но ратоборец Христов мужественно противостоял всем его усилиям, постом и молитвою отражал его нападения, силою крестного знамения прогонял все вражьи козни и наветы. Подвижник усиливал пост и молитву, когда нападения духа тьмы были особенно сильны и ожесточенны: несколько дней он оставался вовсе без пищи и все стоял на молитве, устремив все силы души горе, к Богу, Отцу щедрот и всяких утех. Видя, что все усилия его напрасны, враг действовал против подвижника и через людей: многократно нападали на него разбойники, жизнь его бывала в опасности, и он должен был в бегстве искать спасения. И устоял ратоборец Христов в этой неравной борьбе, одолел и посрамил злобного врага.

Прп. Иларион Великий

Прошло двадцать два года суровых подвигов преподобного Илариона, тяжелой борьбы его с духом тьмы. Высокой степени нравственного совершенства он достиг теперь: дух его возвысился над греховными влечениями, укрепился в добре и просветлел. Оком благоволения воззрел Господь на раба Своего, ниспослал ему небесное утешение и преисполнил его Своими благодатными дарами: открылась в нем чудодейственная сила, проявился дар исцеления болезней и прозрения в будущее. Узнали о великом подвижнике люди, и не только христиане, коих еще в то время в окрестностях Газы было мало, но и иудеи и самые язычники спешили к нему в пустыню со своими нуждами и скорбями. Раб Божий, пламеневший любовью к Богу и ближним – братьям по плоти, из сокровищницы благодати, в нем обитавшей, неоскудно подавал всем потребное. Последовал ряд чудес преподобного Илариона, началась его известность. Это было в 328 году.

Разнообразны чудеса, совершенные в это время преподобным Иларионом. Жезнеописатели его поместили в описании его жития и дел такие чудесные действия, которые ясно свидетельствуют о высокой степени его нравственного совершенства и о богатстве в нем благодатных даров или представляются особенно назидательными. Представим и мы несколько таких чудесных действий.

Первым чудом, совершенным преподобным Иларионом, было исцеление сыновей Елпидия, бывшего впоследствии начальником претории⁵¹. С тремя детьми и женой Аристенетой, благочестивой и добродетельной христианкой, Елпидий отправился в Египет, чтобы увидеть Антония Великого, наполнившего мир славой своих подвигов и высоких нравственных совершенств. В Газе дети заболели горячкой; болезнь была столь жестока и упорна, что врачи признали жизнь их в опасности. В отчаянии и не зная, что делать, бедная мать услышала об отшельнике Иларионе, подвизавшемся в окрестной пустыне; движимая верой в силу молитв подвижников Христовых, она решилась прибегнуть к газскому подвижнику. На осле, в сопровождении нескольких женщин и рабов, Аристенета отправилась в пустыню, отыскивала великого отшельника и просила его помочь ее горю – спасти ее детей. Иларион отказывался, говорил, что он сам немощен и грешен; говорил еще, что, с тех пор как ушел в пустыню, он положил себе за правило не входить ни в одно населенное место. Несчастливая мать в слезах припала к его ногам и умоляла сжалиться над ней. Уступил слезной мольбе матери строгий подвижник и отправился в город. Прибыв в дом, где остановились путешественники, и приблизившись к детям, находившимся в страшном жару, без всякого чувства и сознания, он призвал имя Господа Иисуса Христа; тотчас выступил на них обильнейший пот, жар стал уменьшаться, дети очнулись, узнали отца, мать, приняли пищи и благодарили своего спасителя, целуя руки святого подвижника. В чувстве живейшей радости все прославили Бога и благодарили Его святого раба. Слух об этом чуде быстро разнесся повсюду и проник в отдаленные страны. И вот не только из Палестины, но и из Сирии и Египта направились в Газскую пустыню разного рода люди, христиане и иудеи, даже язычники, направились видеть дивного пустытника. Многие иудеи и язычники обратились при этом в христианскую веру.

Из селения Факидии, находившегося близ египетского города Риноколуры⁵², прибыла к преподобному Илариону одна слепая женщина, не видевшая света с десяти лет. Все свое имение истратила она на излечение своей слепоты, но пользы никакой не получила. Увидев несчастную, Иларион сжалился над ней. «Если бы ты подавала бедным, Иисус Христос, истинный Врач, давно бы тебя исцелил», – сказал он слепой. Потом плюнул ей на глаза – они прозрели и стали видеть ясно, как прежде.

⁵¹ Претория – судебное место.

⁵² Риноколура, ныне Эль-Ариш в Египте, – город на берегу Средиземного моря.

Маюмский житель по имени Италик, христианин, готовился состязаться в цирке с дуумвиром⁵³ Газы, чтителем языческого бога Марны⁵⁴. Италик, зная, что его противник силою чарований и волшебства может задержать и смешать его коней, обратился к св. Илариону и просил у него себе помощи. Странною представилась подвижнику его просьба, смешным показалось обращаться с молитвою к Богу в таком суетном деле; усмехнувшись, сказал он Италику: «Не лучше ли бы тебе для блага души твоей продать коней и деньги, за них вырученные, отдать бедным?» Италик выставил на вид, что это общественное дело, в котором он по необходимости должен принять участие как житель города, член городского общества, что, как христианин, он хотел бы взять верх над гордым дуумвиром, посрамить его и жителей Газы – язычников, оскорбляющих христианского Бога, издевающихся над его Святою Церковью, и что, как христианин, он не может употребить волшебство и чарования и потому-то за лучшее счел обратиться к помощи Илариона, раба Божия, служителя Иисуса Христа. Подумав немного, Иларион наполнил водою чашу, из которой пил, благословил ее и отдал Италику. Прибыв домой, Италик окропил этой водою конюшню, лошадей, кучера, экипаж и, наконец, барьер или загородку, окружавшую место ристалища. Настал час состязания. Множество собравшегося народа было в напряженном ожидании. Подан условный знак к началу состязания. Кони Италика понеслись и, казалось, летели; кони же его противника сразу смешались. Громкий крик раздался из груди дуумвира, язычники заговорили: «Марна побежден Иисусом Христом». Произошло в народе сильное волнение: язычники пришли в ярость, приписали проигранное состязание Илариону, считая его христианским чародеем, и требовали его наказания. Много неверных обратилось при этом в христианство.

Необычайные подвиги преподобного Илариона, его высокие нравственные совершенства, благодатные дары, коими он был преисполнен, чудеса, кои совершил, – все это привлекло к нему ревнителей благочестия и добродетели, желавших жить и подвизаться о Господе под его руководством и благодатным осенением, – и Газская пустыня наполнилась отшельниками, огласилась их священными песнями и славословиями Богу, и явилась лавра преподобного Илариона, славная в истории христианской Церкви. Основание ее относится к 335–341 годам. Подражая в подвигах преподобному Илариону и руководимые его духовными советами и наставлениями, отшельники быстро достигали нравственного совершенства; созревшие в духовной жизни расходились в разные места Палестины и Сирии и основывали новые обители подвижников благочестия. Таких обителей много явилось и в южной Палестине; к сожалению, и имена их, и места, где они находились, остались неизвестны.

Проникнутый отеческою любовью к лицам, вступившим на трудный путь подвижничества, и заботясь об их духовном благе, преподобный Иларион ежегодно в определенное время, именно перед собиранием винограда, делал обозрение иноческих обителей, рассеянных в разных местах южной Палестины. Обозрение это имело необыкновенный вид. Преподобного Илариона сопровождали подвижники его лавры, к ним присоединялись братии из других обителей – таким образом собиралось иногда до двух тысяч человек. На все время путешествия иноки брали с собой съестные припасы, которые и несли на себе. Со временем жители селений, через которые проходили иноки, стали доставлять в соседнюю обитель необходимые для путников жизненные припасы. По распоряжению преподобного Илариона предварительно составлялась подорожная роспись; в ней обозначались места, через которые должно было проходить или в которых требовалось остановиться. Прибыв в ту или другую обитель, преподобный Иларион с участием входил в ее внутреннюю жизнь, давал инокам необходимые советы и наставления, делал внушения, посещал каждого брата, как бы он ни был по своему положению среди подвижников незначителен.

⁵³ Дуумвир – один из городских начальников.

⁵⁴ Марна – сирийский идол, почитавшийся особенно в Газе.

Пошел преподобному Илариону 65-й год от рождения. Слава его возросла до высшей степени. Повсюду говорили о великом палестинском подвижнике; везде удивлялись его необыкновенному образу жизни, его высоким нравственным совершенствам и добродетелям; в изумление приводила всех чудодейственная сила, в нем действовавшая; его знали в самых отдаленных странах. И текли в Газу всякого звания и состояния люди: епископы и священники, клирики и монахи, горожане и поселяне, простые и благородные жены, судьи и правители спешили в Газскую пустыню, стораая желанием видеть дивного подвижника, принять его благословение, послушать его сладкую беседу, получить от него священный дар – благословенные хлеб или масло. Но не по душе святому старцу была такая слава, не по сердцу ему было такое всеобщее к нему уважение; всегда присущее ему чувство смирения смущалось, сознание своего недостойнства глубоко страдало, его безмолвие нарушено, среди многочисленных посетителей он находится как бы снова в мире. Крайне тяготился старец таким положением и стал печален и озабочен. Наступил 356 год. Явилась однажды к преподобному Илариону известная своим благочестием Аристенета принять благословение старца, причем высказала, что она хочет еще раз видеть преподобного Антония. «Желал бы и сам я идти к нему, – печально сказал старец, – если бы я не был как пленник в обители или если бы это путешествие было полезно; уже два дня, как мир лишился этого великого мужа». Святой старец по откровению уже знал о кончине преподобного Антония. Аристенета остановилась; через два дня пришло известие, что великий египетский пустынножитель действительно скончался. Место преподобного Антония заступил теперь в христианском мире палестинский подвижник; еще большим уважением, большим почтением окружали посетители преподобного Илариона; уважение это переходило у некоторых в благоговение к нему. Но еще печальнее, еще озабоченнее стал старец. Иноки, давно замечавшие в своем духовном отце перемену, теперь особенно были поражены его скорбным состоянием. Недоумевая, что бы это значило, они однажды с искренним участием обратились к старцу и спросили его, отчего он все такой печальный, что его огорчило и расстроило. «Ах, братия мои возлюбленные! – отвечал старец, вздохнув. – Я возвратился в мир и приемлю мзду в этой жизни. Вся Палестина и отдаленные страны находят во мне что-то хорошее, называют своим господином, славят меня!..» Наконец старец решил положить конец своему душевному томлению: решил оставить и место своих подвигов – свою любимую пустыню, в которой он безвыходно провел в подвигах целых пятьдесят лет, и свою лавру с сонмом ее насельников, нуждавшихся в его отеческом руководстве и попечении, и бежать от славы, скрыться в каком-нибудь уединенное место, где бы он снова мог быть наедине с Богом и самим собою. Решил так, и начались странствования преподобного Илариона, продолжавшиеся целых шестнадцать лет, странствования, среди коих он и окончил земную жизнь, и чужая страна приняла в свои недра труженическое его тело. И дивны судьбы Божии! Смиранный старец хотел скрыться от славы, а слава шла по следам его. Господь всюду открывал раба Своего ради славы Своей, во благо и на пользу ближних.

Решив удалиться из лавры, преподобный Иларион объявил о своем решении довереннейшим своим ученикам и велел приготовить для себя осла. Весть об этом с быстротою молнии разнеслась между подвижниками и по всем окрестным местам, и вот более десяти тысяч человек всякого звания, пола и возраста собрались в лавру: в один голос все просили старца не покидать своего места, не оставлять их сирыми и беспомощными. Он оставался непреклонен в своем решении; для успокоения же собравшегося народа говорил, что так необходимо ему поступить. Новые просьбы, новые мольбы народа, более сильные, – не тронулся и тут старец, но, стоя среди густой массы народа и переворачивая посохом песок, произнес: «Оставьте меня, дети мои, пустите: так нужно. Господь не обманывает меня. Могу ли я спокойно смотреть на низверженные храмы, на попранные алтари, на пролитую кровь сынов моих?» Поняли все, что великому старцу открыта тайна, которой он не хотел объявить, и, получив его благословение, разошлись. Но в лавре все-таки решено было не пускать старца, слабого, изможденного

от подвигов: у него от строгого поста и воздержания оставалась на костях только кожа. За ним стали бдительно наблюдать, боясь, как бы он тайно не ушел из лавры. Заметил это старец и прибег к решительной мере. «Не буду ни есть ни пить до тех пор, пока вы меня не отпустите», – твердо сказал преподобный Иларион окружающим его братьям и семь дней пробыл без пищи. Уступили, наконец, братья твердому решению старца и оставили его в покое. Сделав последние распоряжения касательно оставляемой им лавры и преподав благословение подвижникам ее, в слезах окружавшим своего отца, преподобный Иларион простился с ними и в сопровождении сорока монахов отправился по дороге в Египт. Там, в Египте, с его обширными пустынями, в стране, где началось подвижничество ради Господа, Иларион надеялся обрести для себя уединенное место, в котором он укроется от света и славы. Но прежде всего он положил посетить место подвигов своего учителя в подвижничестве – преподобного Антония Великого.

Шестнадцать дней продолжался трудный и утомительный путь до Антониевой горы по песчаной пустыне. Старец ехал на осле, спутники его шли, дорожные запасы несли они на себе. Из Пелузия преподобный Иларион посетил отшельников, подвижавшихся в окрестной пустыне; в Фавасте виделся с епископом Драконтием⁵⁵, жившим там в ссылке, доставив ему этим свиданием несказанное утешение; в Вавилоне⁵⁶ посетил епископа Филона⁵⁷, находившегося здесь также в ссылке, и утешил своим свиданием. Наконец путники достигли Антониевой горы⁵⁸ и прибыли на нее к самому дню памяти великого подвижника. С радостью вступил Иларион на это место, где пятьдесят лет тому внимал он наставлениям Антония Великого. В день кончины преподобного Антония Иларион целую ночь провел в бдении и молитве.

Потом он осматривал место подвигов своего великого учителя – знаменитую Антониеву гору. Руководителями его при этом осмотре были два ученика Антония, жившие на горе, Исаак и Пелузиан. «Здесь пел псалмы отец наш, – говорили ученики, показывая Илариону замечательные места, – здесь молился, тут он трудился, а тут отдыхал, когда чувствовал утомление. Эти виноградники и деревья он сам насадил; этот водоем для орошения сада сам же выкопал с большим трудом, а заступ этот долго ему служил при его труде». Возшли в келью Антония, находившуюся у подошвы горы: она была так мала, что лежа едва можно было протянуть ноги. Увидев в ней ложе, Иларион лег на него, лобызал его и чувствовал, что оно еще теплое. По крутому всходу поднялись затем на самую вершину горы, где были две кельи преподобного Антония, высеченные в скале; к ним приделаны были только двери; сюда обыкновенно удалялся великий подвижник, когда хотел остаться наедине, предаться уединенной молитве и богомыслию. Осмотрев эти кельи, Иларион пожелал видеть и место, где погребен Антоний. Исаак и Пелузиан отошли с ним на некоторое расстояние от горы и сказали, что здесь отец и наставник их погребен, но где именно, не могли указать, так как сами не знали. Св. Антоний, прибавили они, боясь, чтобы Пергамий, искренний почитатель и богатый человек, не взял его тела и не воздвиг над ним храма, завещал скрыть место, где будет оно положено.

С чувством душевного утешения оставил преподобный Иларион Антониеву гору и, отпустив в Палестину всех спутников своих, кроме одного, Газана (или Занана), с этим учеником удалился в Афродитополь⁵⁹, город, лежавший на Ниле, и поселился в пустыне, простиравшейся от него к востоку, надеясь жить здесь в полном уединении и неизвестности. Но не сбылись ожидания старца. Принильская долина страдала в то время от необыкновенной засухи: уже три года не было ни капли дождя; жители томились и изнывали. Страдания их нашли доступ к сердцу преподобного Илариона, возбудили в нем жалость, он обратился с молитвою к Богу,

⁵⁵ Драконтий, епископ Ермопольский; ему писал послания Афанасий Великий.

⁵⁶ Вавилон этот назывался Египетским и лежал к югу от Каира.

⁵⁷ Филон, епископ Киринейский.

⁵⁸ Антониева гора, на которой провел большую часть жизни Антоний Великий, находилась к востоку от Нила, на расстоянии трехдневного пути от Буша в Верхнем Египте.

⁵⁹ Ныне там находится город Атфих (Египет). – *Примеч. ред.*

и обильный дождь напоил жаждущую землю, и все ожило и зазеленело. Узнали раба Божия жители и толпами стали приходить к нему в пустыню, одни – за исцелением своих недугов, другие – получить от него благословение и назидание. Не мог здесь жить смиренный старец, оставил Афродитскую пустыню и переселился на север, к Брухии, предместью Александрии, но и здесь не нашел покоя. Из Палестины дошли до него печальные вести: там открылось жестокое гонение на христиан от богоотступника Юлиана⁶⁰; язычники Газы, помня оскорбление, причиненное их богу Марне во время состязания Италика, с ожесточением напали на Иларионову лавру и разрушили ее, избili множество пустынных и уже искали самого Илариона. Старец решил скрыться в пустыне Оазиса⁶¹. И вот с учеником своим опять он двинулся на юг, опять начался для них трудный и дальний путь: избранная пустыня лежала в Среднем Египте, много южнее Афродитополя, и расстилалась между Нилом и Малым Оазисом к западу. Желанная пустыня дружелюбно приняла смелых пришельцев; несколько времени старец и ученик его наслаждались здесь полным спокойствием. Но вот и в ту пустыню явился из лавры брат Адриан, посланный Исихием. Много труда стоило ему отыскать убежище Илариона. Адриан известил старца о смерти Юлиана и воцарении православного императора и от лица Исихия и братии просил его возвратиться в лавру. Иларион не согласился на просьбу Адриана, не остался и в Оазийской пустыне, а решил искать более отдаленного и более сокровенного места. Снова старец с Газаном пустились на север и снова должны были испытать все трудности отдаленного путешествия. Прибыв в приморский город Паретониум⁶², Иларион с учеником своим сел на корабль и отплыл, положив высадиться на острове Сицилия.

Спокойно началось для преподобного Илариона плавание, никто на корабле его не знал. Вдруг сын владельца корабля, одержимый нечистым духом, вскочил и, обратившись к убогому по виду путнику, закричал: «Иларион, служитель Божий! Зачем ты не даешь нам покоя даже и на море? Дай мне хоть прибыть на сушу свободно». Иларион спокойно отвечал на это: «Если Бог позволяет тебе, оставайся здесь; если же Он изгоняет тебя, зачем обращаешься ко мне, грешному и убогому?» Св. Иларион говорил таким образом, желая скрыть себя. Ребенок освободился от злого духа; смиренный старец взял слово с его отца, что тот никому не откроет его имя. Когда вошли в гавань Пахинума⁶³, Иларион предложил хозяину корабля в уплату за себя и ученика своего Евангелие, которое он собственною рукою переписал для себя еще в юности, так как, кроме этой священной книги и одежды на себе, они ничего не имели. Признательный корабельщик отказался.

Вступив на берег Сицилии, преподобный Иларион поспешил углубиться внутрь острова и поселился в одном пустынном месте, в двадцати милях от морского берега, в полной уверенности, что он нашел наконец безмятежное убежище, где никто его не будет знать. Несколько времени старец и ученик его жили спокойно. Сам он ходил и собирал дрова, а Газан носил их на себе в соседний город, где и продавал; на вырученные деньги они покупали себе хлеба. Скоро, однако же, по воле Божией пустынный-пришлец сделался на острове известен: в Риме возвестил о нем один бесноватый. «Вот несколько уже дней, – кричал он в храме Св. Петра, – Иларион, служитель Иисуса Христа, прибыл в Сицилию; никто его не знает там; он думает скрыться, но это ему не удастся: я его открою». Бесноватого, принадлежавшего к богатому семейству, отправили в Сицилию, и, когда он пал к ногам св. Илариона, злой дух оставил его, и он сделался совершенно здоров. Весть об этом быстро разнеслась по острову, и вот массами стали являться к святому старцу посетители, желая видеть раба Христова, получить его благословение, послушать его беседы; во множестве приходили больные и страждущие; из обла-

⁶⁰ Юлиан Отступник, римский император в 361–363 гг.

⁶¹ Ныне Эль-Фаюм (Египет). – *Примеч. ред.*

⁶² Ныне город Мерса-Матрух (Египет). – *Примеч. ред.*

⁶³ Мыс в юго-восточной Сицилии; ныне называется Сиро ди Пассаро. – *Примеч. ред.*

годатствованной души своей раб Божий раздавал всем благодатные дары по мере и роду нужд каждого. Один начальник, исцеленный им от водяной болезни, из чувства благодарности предложил ему большой подарок, но отрекшийся от всего земного подвижник отвечал ему словами Евангелия: *даром получили, даром и давайте* (Мф. 10:8). Неожиданно для святого старца явился в его уединенное жилище и Исихий, преданнейший его ученик. С сердечною скорбью получили в Иларионовой лавре известие, что старца в Египте нет, что он отплыл на корабле неизвестно куда. Подвижники все надеялись, что отец их возвратится к ним, но теперь с этою надеждой они должны были проститься окончательно. Исихий, напутствованный благожеланиями братьев, сам отправился отыскивать старца. Долго он странствовал по разным местам, переходил из страны в страну, посетил ближайшие к Сирии острова, являлся и на суше – в Греции и Македонии, везде разузнавая о преподобном Иларионе, и долго поиски его были тщетны. Наконец в Метане, морской гавани, лежащей на южной оконечности Пелопоннеса, Исихию посчастливилось получить некоторые сведения о старце. Один еврей, торговавший старым платьем, сообщил Исихию, что в Сицилии явился христианский пророк, совершающий такие чудеса, что его признают за одного из древних пророков. Исихий тотчас отправился в Сицилию и, высадившись в гавани Пахинума, в первом же городе узнал о местопребывании св. Илариона. Наконец он увидел убогое жилище святого старца – человека, имя которого было известно и славно во всем христианском мире. Вот и сам он – блаженный старец. В порыве радости преданный ученик пал к ногам своего учителя и отца, лобызал его руки и ноги и от умиления плакал. Радовался и старец: перед ним – ученик, которого он любил как сына; радость свидания отразилась и на лице старца, оно просветлело. Но непродолжительно было такое настроение преподобного Илариона; Исихий скоро заметил на лице его выражение грусти и озабоченности. Решительным отказом отвечал старец на просьбу Исихия возвратиться в лавру и утешить скорбящих о разлуке с ним братьев-подвижников. Глубоко опечалился Исихий, когда узнал от Газана, что старец хочет уйти в неизвестную варварскую страну, где бы жители не знали его языка. И в один день старец велел Газану приготовиться в путь, прибавив, что он намерен удалиться в Далмацию⁶⁴. Зная твердость преподобного Илариона, Исихий предложил ему и свои услуги, вызываясь проводить его в новую страну; старец согласился. И вот Иларион с двумя учениками своими сел в Пахинуме на корабль и после благополучного плавания прибыл в далматский город Епидавр⁶⁵ и поселился в окрестности его, в самом пустынном месте, в горах. Исихий, простившись со старцем и Газаном, отбыл в Палестину. Это было в 365 году.

И в Далмации, куда преподобный Иларион стремился всей душой из Сицилии, не нашел он себе покоя: ни горы и пустынность места, где он стал жить, ни язык его, непонятный населению, не скрыли его от людей. Благодатная сила, в нем обитавшая, не могла оставаться без действия; его сердце, полное любви к людям, и в самом удалении от них не могло не отзываться на всякий призыв, на всякое горе и страдание. Начались чудесные действия. Огромный змей, гнездившийся в ущельях окрестных гор, причинял стране страшное зло, пожирая скот и людей; сочувствуя общему бедствию, раб Божий силою своей молитвы избавил страну от змея; чудовище в один день найдено было издохшим. Сразу же после этого имя дивного пришельца, живущего уединенно в горах, огласилось по окрестности. И вот когда в том же 365 году произошло в Далмации сильное землетрясение⁶⁶ и взволнованное море выступило из берегов и грозило разрушить Епидавр, толпами бросились к святому отшельнику жители, умоляя его прийти к морскому берегу. Не мог остаться безучастным к страшному народному

⁶⁴ Далмация – историческая область на северо-западе Балканского полуострова на побережье Адриатического моря; на территории современных Хорватии и Черногории. – *Примеч. ред.*

⁶⁵ Речь, возможно, идет о Дубровнике (Хорватия). – *Примеч. ред.*

⁶⁶ Землетрясение произошло 21 июля 365 г. О нем упоминает языческий писатель Аммиан Марцеллин.

бедствию святой старец; он явился на морской берег. Увидев ярость волнующегося моря, раб Христов начертил на песке три креста, а руки поднял и простер на море. Разъяренная водная стихия тотчас остановилась и поднялась наподобие высокой горы, вода устремилась назад, и море вошло в свои пределы. Слава о чудном пустынноике распространилась теперь по всей Далмации и соседним странам. Видя, что и в Далмации, этой варварской стране, он не может жить спокойно, смиренный подвижник, этот поистине мученик славы, бежал ночью из своего уединения, которое ему было полюбилось. У морского берега он нашел корабль, готовившийся плыть на Кипр, и сел в него, предавшись водительству Божию и переносясь думами в новую страну, где он, может быть, найдет наконец давно желанный покой. «Ибо не по душе ему было жить там, где его хвалят, – говорит Созомен. – Через перемену местопребывания он старался оставаться в неизвестности и посредством частых переходов из страны в страну думал уничтожить распространявшуюся о нем славу».

Рано утром корабль отчалил от берега. Присутствие на нем св. Илариона спасло его от явной опасности.

Лишь только вышли в открытое море, как увидели с корабля вдали пиратов, которые неслись к нему на всех парусах. Все на корабле очень встревожились и, растерянные, не зная, что делать, друг за другом подходили к святому старцу, который один сидел спокойно, и сообщали ему печальную весть о грозившей им опасности. Старец смеялся, смотря на море и наблюдая, как пираты действительно приближались к кораблю, и, обратившись к окружающему, сказал: «Малoverные! Чего боитесь? Больше ли они фараонова войска?» Когда суда пиратов были уже весьма близко от корабля, старец встал, взошел на корму, поднял руку и, протянув ее по направлению к пиратам, строго произнес: «Не подходите сюда». Неприятельские судна тотчас повернули назад и сами неудержимо понеслись к берегу, несмотря на все усилия пиратов удержать их, и скоро скрылись из глаз. Дальнейшее плавание корабля было благополучно: он вошел в Кипрскую гавань Пафос.

Остров Кипр был последней страной, в которой окончились странствования преподобного Илариона.

Он поселился здесь в двух милях от Пафоса в уединенном месте и был совершенно уверен, что никто не знает о прибытии его на остров. Но не прошло и трех недель, как имя его огласилось по острову. Одержимые нечистым духом начали громко кричать, что прибыл Иларион, служитель Бога Вышнего, что они хорошо знают его, не знают только места, где он находится, что они должны отыскать его. Найдено было и место это, и началось стечение народа к св. Илариону: явились бесноватые, больные и страждущие всякого рода. Раб Христов силою молитвы своей исцелял всякие недуги и болезни. Явился и Исихий, извещенный Газаном о переселении их на остров Кипр. Скорбным и печальным нашел своего учителя и отца Исихий; старец жаловался любимому ученику своему, что он и здесь не имеет покоя от посетителей.

Жаль его стало Исихию. Он сам предложил старцу искать новое, более сокровенное место на острове. С радостью принял старец его предложение, и вот они ушли в глубь острова еще на двенадцать миль и остановились в одной местности, привлекавшей их внимание своею живописностью и вместе пустынностью. Среди долины, окруженной крутыми скалами, возвышалась небольшая гора, покрытая лесом; на плоской вершине горы находился садик с фруктовыми деревьями; у подошвы бил источник чистой воды. В этой местности, всем очень понравившейся и известной под названием Харвириса, и остался преподобный Иларион: поселился он на вершине горы, в садике, и провел здесь последние пять лет своей жизни. Долго никто не нарушал его покоя. Старец радовался. Изредка только на вещал его Исихий, своим свиданием доставляя новую радость его сердцу. Одно обстоятельство открыло жителям сокровенный приют великого отшельника. Однажды старец ходил по склону горы, созерцая красоты чудной природы и возносясь умом к Богу – красоте вечной. Вдруг он увидел человека, сидевшего неподвижно на одном месте; человек этот был весь расслаблен. Открылось, что это был сам

владелец местности, в которой жил преподобный Иларион; он прибыл сюда с людьми, которые, оставив его на время одного, сами отправились на охоту. Сжалился старец над несчастным и, призвав имя Божие, исцелил его. Это чудесное событие скоро разгласилось по окрестности, и снова к рабу Божию потек народ, жаждающая ощутить в себе веяние благодатной силы, в нем обитавшей, и едва заметная тропинка, проложенная Газаном, спускавшимся по ней вниз за водой, стала торным путем, по которому двигались массы народа, то поднимаясь на гору, то спускаясь с нее. Много чудес совершил в это время св. Иларион.

Приблизилось, наконец, отшествие великого подвижника в другую жизнь. Предузнал св. Иларион свою кончину и стал к ней готовиться. Дрожащею рукою он написал Исихию, любимейшему ученику своему и другу, письмо, в котором, прощаясь и с братьями – подвижниками лавры, отказывал Исихию все свое имущество:

Евангелие, власяницу, куколь и плащ. Когда весть о близости кончины св. Илариона разнеслась по окрестным местам, благочестивые люди поспешили в Харвирису увидеть в последний раз дивного подвижника и получить его святое благословение. Готовясь предстать пред лицом Бога – Судии и Мздовоздаятеля, блаженный старец был спокоен; радость сияла на его старческом лице. Собрав последние силы, он поспешил высказать последнее свое земное желание; просил посетителей, теснившихся у его смертного ложа, не оставлять у себя и не хранить его тело, но положить его в землю в этом же садике, где он жил пять лет; предусмотрительный старец взял с них даже клятву. Настали последние минуты.

Св. Иларион, совсем было умолкший, вдруг заговорил, обратясь к своей душе: «Изыде, душа моя: чего боишься? Семьдесят почти лет служила ты Христу – и смерти ли бояться тебе?» С этими словами великий подвижник мирно предал дух свой Господу в 371 году. Ему было тогда восемьдесят лет.

Свято исполнили последнюю волю св. Илариона благочестивые почитатели; тело его было погребено на горе, в любимом его садике. Спустя десять месяцев прибыл на остров Кипр Исихий и, тайно вынув из земли нетленные останки св. Илариона, перенес их в Палестину и положил в его лавре.

Сразу же по кончине св. Илариона началось чествование его как великого угодника Божия. На острове Кипр благочестивые христиане часто посещали его могилу, проводили на ней целые ночи в бдении и молитве, испрашивали его святых молитв, обращаясь к нему как бы к живому. В Палестине, в его лавре, ежедневно стали совершать в честь святого основателя ее и великого в отцах Илариона торжественное празднество, на которое сходились все пустынники и в многолюдстве стекались окрестные жители.

Благодатная сила, обитавшая и действовавшая в преподобном Иларионе при его жизни, не переставала действовать и по его блаженной кончине: у святых мощей его продолжали совершаться различные чудеса и исцеления; она осталась присущею даже месту погребения его на острове Кипр. Там, на его могиле, когда не было уже в ней святого тела, больные и одержимые нечистым духом, по свидетельству Созомена, получали исцеление.

Таков был преподобный Иларион великий, основатель славной лавры своего имени! «Подлинно, из всех людей, известных нам по неослабному и испытанному воздержанию, – говорит историк Созомен, – он никому не уступил первенства, ибо побеждал голод и жажду, холод и зной и другие ощущения и пожелания тела и души. Нравом был он добр, в беседе важен и тщательно упражнялся в Священном Писании, Богу же так благоугодил, что на его могиле еще донныне многие больные и одержимые демоном получают исцеление и, что всего удивительнее, исцеляются как на острове Кипр, где он был погребен прежде, так и в Палестине, где почивает теперь»⁶⁷.

⁶⁷ Об Иларионе Великом см.: *Иероним Стридонский, блж.* Житие преподобного отца нашего Илариона Великого; *Созомен.* Церковная история. III, 10; V, 14.

Преподобный Исихий был самым близким и довереннейшим лицом у преподобного Илариона Великого. Как сына, как друга любил его великий подвижник; ему открывал душевные мысли и намерения, его посвящал в тайны своей внутренней, сокровенной от других жизни; ему же поручил и управление своею обширною лаврой. Исихий заслуживал такой любви и такой доверенности св. Илариона. Он во всем подражал своему необыкновенному учителю – как в подвигах поста и молитвы, так и в терпении и злострадании, в любви и снисходительности к ближним. Сердечно любивший св. Илариона, до глубины души ему преданный, Исихий постоянно заботился о нем и охранял его, всячески утешал и успокаивал, особенно во время его страннической жизни, как мы это видели в житии преподобного Илариона. Его любви горячее к великому подвижнику, его усердию и старанию Иларионова лавра была обязана тем, что в ней, как драгоценное сокровище, как видимый залог ее процветания, явилось блаженное тело ее славного основателя, явилось на радость и утешение братий-подвижников и на пользу палестинских христиан. Зная, что киприоты, глубоко почитавшие св. Илариона, ни за что не отдали бы его нетленные останки, Исихий по кончине его оставил на время лавру, прибыл на остров Кипр и поселился на той же горе и в том садике, где проводил последние годы своей жизни Иларион, объявив, что он намерен навсегда остаться здесь и будет подвизаться у гроба своего отца и учителя; но потом, тайно взяв из земли честное тело его, перенес в Палестину⁶⁸.

Преподобный Малхион происходил из благородного и благочестивого дома Алафиона, имевшего обширные поместья в Газском округе. Начало подвижнической жизни полагал он в лавре преподобного Илариона, вступив в число учеников его еще в юном возрасте. Потом с братьями своими: Саламаном, Фусконом и Криспионом – подвизался близ родного своего селения Вефилия и достиг высокой степени нравственного совершенства. На какой высоте духовной жизни стоял преподобный Малхион, показывает случай, приводимый современником и родственником его Созоменом в своей «Церковной истории». По словам Созомена, шли однажды братья от преподобного Илариона домой, между ними находился и Малхион. Вдруг Малхион стал невидим, какою-то силою он как бы исторгнут был из среды братьев; потом снова явился и пошел с ними далее. Это событие служило предуказанием близкого отшествия Малхиона в другую жизнь, к которой он был уже приговорен. И действительно, вскоре после этого события он скончался, не достигнув зрелых лет⁶⁹.

Преподобный Зинов (память 26 декабря) родился около половины IV века в Газе. В то время, когда в Палестине сиял подвигами и добродетелями великий Иларион, привлекая на путь подвижничества ревнителей высшего нравственного совершенства, и Зинов еще юношей 15–17 лет вступил на этот путь и стал подвизаться, подражая св. Илариону в молитве, посте, бдении, трудах телесных и духовных. При Юлиане Богоотступнике Зинов страдал за веру Христову и явился исповедником; вместе с родственниками своими, Евсевием и Неставою, он был схвачен преданными язычеству жителями Газы, заключен в темницу и претерпел сильные побои. Не суждено было ему увенчаться мученическим венцом, как его родственникам, которые были замучены до смерти и сожжены. Зинову готовилось высшее служение в Христовой Церкви. В то время, когда мучили Евсевия и Неставу, Зинов скрылся в приморский город Анфедон, но анфедоняне, также зараженные языческим зловерием, узнав, что он христианин, схватили его, жестоко избили и изгнали из города; он удалился в Маюму – пристань Газы⁷⁰, где и скрывался во все время гонения. Господь, ведающий Своих рабов, знал уже Зинова и видел в нем Своего раба; его указал Он во сне одной благочестивой женщине-хри-

⁶⁸ См.: Созомен. Церковная история. VI, 33.

⁶⁹ См.: Созомен. Церковная история. VI, 32.

⁷⁰ Маюма отстояла от Газы на 20 стадий.

стианке, собравшей кости мучеников Евсевия и Неставы; повелев передать их ему для хранения, указал ей и место, где Зинов находился. В царствование Феодосия Великого⁷¹

⁷¹ Римский император в 379–395 гг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.